И
116
284

V.
524.

ТРОЕ СУТОКЪ
ВЪ
НОВГОРОДѢ

У 116
284

V
524

ТРОЕ СУТОКЪ

ВЪ

НОВГОРОДѢ.

Н. Ж.....въ.

10 г 4 гр

ср3г4/165

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1841 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

2007081605

ТРОЕ СУТОКЪ

ВЪ НОВГОРОДѢ.

Давно любопытство влекло меня остановиться на нѣсколько дней въ Новгородѣ, чрезъ который столько разъ проѣзжалъ я въ дилижансѣ, не успѣвая, какъ и Вы всѣ, Гг. Пассажиры, взглянуть даже изъ каретнаго окна на знаменитый Софійскій соборъ, на древнія стѣны Кремля..... Наконецъ я въ Новгородѣ на трое сутокъ; боюсь однакожъ, что и этого времени будетъ мало, чтобъ обозрѣть въ подробности такое историческое мѣсто.

Начнемъ обзоръ съ того именно пункта Московскаго шоссе, гдѣ оно, подъ самымъ уже Новгородомъ, пересѣкается рѣчкою Кзенью, текущею въ Волховъ. Она напоминаетъ о славной побѣдѣ, которую 13-го Октября 1070-го года Новгородцы, подъ предводительствомъ юнаго своего Князя Глѣба Святославича, одержали здѣсь надъ Полоцкимъ Княземъ Всеславомъ. Оставивъ позади себя это

урочище и, въ лѣвой сторонѣ, строенія Адмиралтейской парусной и суконной фабрики, переведенной сюда изъ Москвы въ 1780-мъ году, дорога приближается къ стѣнамъ Духова монастыря, который возвышается у вала, окружающаго городъ и называющагося Большимъ Окопомъ или Копанью. За валомъ (*) Петербургская застава. Отсюда прямая улица ведетъ на продолговатую площадь—къ Кремлю. Здѣсь, у подошвы красныхъ вѣковыхъ стѣнъ его, зеленѣетъ молодой садъ, гдѣ извилистыя дорожки смѣло спускаются въ глубину рва, облегающаго крѣпость съ трехъ сторонъ; съ четвертой (восточной) омывается она Волховомъ. Въ древности Кремль назывался Дѣтинцемъ: ибо, при нападеніяхъ непріятельскихъ, прятали сюда Новгородцы дѣтей своихъ. Онъ построенъ при Ярославѣ I-мъ и, судя по изображенію Новгорода въ 12-мъ столѣтіи, находящемуся въ одной изъ церквей его (Знаменской), подъ образомъ Знаменія Богородицы древняго Греческаго письма, былъ совершенно другаго вида и размѣра, нежели теперь. Прежнія стѣны его только снаружи были обложены кирпичемъ, но внутри безъ всякаго разбора наполнялись щебнемъ, плитою и булыжникомъ, залитыми известкою; поэтому неудивительно, что онѣ нѣсколько разъ починива-

(*) Въ засуху ровъ этого вала пересыхаетъ, но въ полноводье могутъ ходить по немъ барки; онъ шире 3-хъ саж.

лись и совершенно перестроивались: въ первой разъ передѣланы онѣ въ 1331-мъ году, потомъ поновлены въ 1364-мъ; послѣ того развалились и заложены вновь въ 1400-мъ; чрезъ 90 лѣтъ разрушились снова и (въ 1490-мъ), по повелѣнію Іоанна Грознаго, опять выстроены Итальянскимъ архитекторомъ Аристотелемъ (Болонскимъ); наконецъ были исправляемы при Императорахъ Петрѣ Великомъ и Александрѣ I-мъ.

Нынѣшній Кремль имѣетъ видъ неправильнаго многоугольника и состоитъ изъ зубчатыхъ стѣнъ вышиною въ 4-ре и шириною въ $1^1/_2$ сажени и 9-ти башень, изъ коихъ одна наугольная, юговосточная, съ часовнею и колодцемъ. Она извѣстна подъ именемъ Павловской башни; близъ нея устроена галлерея, гдѣ хранится лодка, на которой Императрица Екатерина Великая, при достопамятномъ путешествіи своемъ по Волгѣ, въ 1785-мъ году, изволила прибыть изъ С. Петербурга въ Новгородъ. Другая башня, Покровская, югозападная, съ церковью; подлѣ нея, говорятъ, былъ дворецъ, называвшійся сперва Княжескимъ, потомъ Боярскимъ дворомъ; а башня, слѣдующая за нею, обращенная къ западной сторонѣ, отличается особеннымъ видомъ и имѣетъ комнаты, откуда, можетъ-быть, дочери владѣтельныхъ Князей любовались на Новгородъ. По преданію, на верху этой башни было нѣкогда гнѣздо какой-то огромнѣйшей птицы, похищавшей на улицахъ

дѣтей, коими она кормила своихъ птенцовъ; одинъ изъ смѣльчаковъ взлезъ на ту башню и шестомъ убилъ птицу и разорилъ гнѣздо, а шесть оставилъ на башнѣ на память. Входомъ въ Кремль служатъ двѣ широкія арки, построенныя профессоромъ архитектуры Мельниковымъ: одна въ западной стѣнѣ, со стороны сада, другая въ восточной, со стороны Волхова.

Внутри крѣпости главный предметъ, обращающій на себя вниманіе — Софійскій соборъ, освященный въ 1051-мъ году. Онъ возвышается въ сѣверной ея половинѣ и украшенъ 6-ю главами, изъ коихъ 5-ть помѣщены надъ самымъ храмомъ; средняя изъ нихъ ярко вызолочена, прочія всѣ обиты бѣлою жестью. Длина зданія 15-ть саж., ширина 17-ть, а высота 18-ть. Толстыя стѣны его составлены изъ кирпича и плиты, а для прочности подперты съ южной и сѣверной сторонъ 5-ю контрфорсами. Внутри, стѣны собора расписаны старинною живописью. Онъ состоитъ изъ главнаго храма, 4-хъ придѣловъ и 2-хъ папертей; 10-ть четыреугольныхъ столповъ поддерживаютъ своды, на которые опираются купола. Отъ толстоты столповъ, малаго числа узкихъ оконъ и мрачности стѣнъ, зданіе тѣсно и темно. Главный куполъ замѣчателенъ по находящемуся въ немъ изображенію Господа Вседержителя съ сжатою десницею. Преданіе говоритъ, что живописецъ три раза принимался изображать Спасителя съ десницею благо-

словляющею, но гласъ повелѣлъ вмѣсто ея написать сжатую, вѣщая, что въ ней заключены судьбы Новгорода (*). Иконостасъ о 4-хъ ярусахъ, гдѣ замѣчательны 7-мь нижнихъ иконъ своею древностію, особенно иконы: Софіи Премудрости Божіей, Св. Апостоловъ Петра и Павла, и Всемилостивѣйшаго Спаса, изъ коихъ первыя двѣ присланы, какъ говорятъ, Владиміромъ Великимъ изъ Корсуни, а послѣдняя подарена Греческимъ Императоромъ Еммануиломъ. Царскія врата сдѣланы при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Предъ иконостасомъ спущены 4-ре паникадила; изъ нихъ среднее, самое большое, работано въ царствованіе Годунова. Противъ иконостаса, при первыхъ двухъ столпахъ, находятся мѣста: Царское и Архіерейское; вверху надъ первымъ сдѣланъ голубь, а надъ вторымъ помѣщено полулуніе. Въ главномъ

(*) «Азъ бо въ сей руцѣ Великій Новгородъ держу; когда же сія моя рука распространится, тогда будетъ и граду сему окончаніе» — сказано въ лѣтописи.

Въ Любекѣ, въ древнемъ зданіи Ратуши, находится металлическое изображеніе Спасителя съ простертою правою рукою; нѣкоторые пальцы руки сжаты, другіе отбиты во время 1812-го года Французами и, по увѣренію очевидцевъ, также были сжаты. Соображая, что зданіе это построено въ 1442-мъ году и Новгородцы, бывшіе въ союзѣ съ Ганзейскими городами (а), имѣли въ немъ свою контору, можно съ достовѣрностію заключить, что Любскій образъ гораздо новѣе Новгородскаго и сдѣланъ ему въ подражаніе.

(а) Подъ Ганзейскими городами разумѣлись Сѣверно-Нѣмецкіе торговые города, которые, составляя между собою крѣпкій союзъ, подъ названіемъ Ганзейскаго, имѣли у себя въ рукахъ всю торговлю Сѣверной Европы.

храмѣ почиваютъ: на правой сторонѣ Кн. Владиміръ Ярославичь (сынъ Ярослава I-го), основатель сего святилища, извѣстный своими походами на Емь (нынѣшнихъ Финнляндцевъ) и на Грековъ, и мать его, Княгиня Анна, дочь Короля Шведскаго Олофа, первая изъ Княгинь Русскихъ постригшаяся въ инокини; на лѣвой — Кн. Ѳеодоръ Ярославичь, братъ Александра Невскаго, участвовавшій въ походѣ противъ Мордвы и скончавшійся въ день своего брака; въ придѣлахъ—Князь Мстиславъ Ростиславичь, правнукъ Владиміра Мономаха, извѣстный своею воинскою доблестію; Епископъ Никита, Архіепископы Іоаннъ и братъ его Григорій; на папертяхъ — западной: Архіепископъ Василій, и южной: Епископы Германъ, Лука, Аркадій и Архіепископъ Мартирій; тутъ же возвышаются гробницы Архіепископовъ: Іоакима, Ѳеофила, Ѳеофана Прокоповича, Іова и Митрополитовъ: Дмитрія Сѣченова, Гавріила Петрова и Амвросія Подобѣдова.

При входѣ въ западную паперть, съ Архіерейскаго двора, находятся двери, извѣстныя подъ именемъ Корсунскихъ вратъ. Онѣ состоятъ изъ двухъ деревянныхъ половинокъ. Каждая изъ нихъ, вышиною въ 5-ть, шириною въ $1^3/_4$ аршина, со внѣшней стороны обложена по краямъ бронзовыми выпуклыми рамами и раздѣляется поперечными бронзовыми же каймами на 7-мь отдѣленій, изъ коихъ верхнее идетъ во всю ширину поло-

винки, а прочія дѣлятся продольною каймою пополамъ. Они покрыты неравнымъ числомъ бронзовыхъ досокъ разной величины, и на цѣлыхъ вратахъ досокъ этихъ считается 48-мь, на каждой половинкѣ по 24-ре. Доски отлиты въ толщину около $^1/_6$ дюйма и съ выпуклыми изображеніями. На лѣвой половинкѣ представлены въ I-мъ отдѣленіи (начиная сверху): 1) Богоматерь и 6-ть Апостоловъ; 2) благословляющій Спаситель съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, посреди Апостоловъ Петра и Павла; 3) 6-ть Апостоловъ. Во II-мъ: 4) Богоявленіе; 5) Благовѣщеніе (здѣсь Архангелъ поставленъ на агнцѣ, какъ символѣ непорочности); 6) Рождество Христово. Въ III-мъ: 7) человѣкъ, держащій обѣими руками книгу; 8) пришествіе волхвовъ для поклоненія Христу; 10) женщина съ младенцемъ, съ надписью: «Rachel, Рагхилъ». Въ IV-мъ: 11) Срѣтеніе Господне; 12) Діаконъ съ кадиломъ; 13) львиная голова (замѣняющая дверную рукоятку), въ пасти у нея видны 5-ть человѣческихъ головъ, а къ челюстямъ прикрѣплены двѣ змѣи, соединенныя между собою въ срединѣ; это означаетъ, какъ сказано въ Русской надписи: «адъ пожираетъ грѣшныхъ». Въ V-мъ: 14) посѣщеніе Маріею Елисаветы; 15) бѣгство Іосифа съ Маріею и Іисусомъ во Египетъ; 16) Діаконъ съ книгою; 17) Епископъ, съ надписью: «Alexander epc de blvcich, Александръ епкпъ», и при немъ два Діакона. Здѣсь слово *blvcich*, выпущенное въ Русскомъ переводѣ

надписи, кажется, есть искаженное названіе Польскаго города Плоцка, *Plotzick*, гдѣ дѣйствительно, въ 1129-мъ году, былъ Епископъ Александръ. Въ VI-мъ: 18) взятіе Пророка Иліи на небо; 19) два человѣка, попирающіе ногами двухъ другихъ, съ Русскою надписью: «крѣпость и убожество». Въ VII-мъ: 20) мастеръ (литейный) Риквинъ; 21) грѣхопаденіе человѣка; 22) мастеръ Аврамъ; 23) сотвореніе Еввы; 24) мастеръ Вайсмутъ.—На правой половинкѣ: въ I-мъ отдѣленіи: 25) второе пришествіе Христово; здѣсь Спаситель представленъ опирающимся на льва и дракона и сѣдящимъ посреди круга, украшеннаго въ нижней половинѣ звѣздами и поддерживаемаго 4-мя Ангелами; по угламъ помѣщены изображенія солнца и луны и символы Евангелистовъ: орелъ, исноша, левъ и телецъ. Во II-мъ: 26) человѣкъ со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на который указываетъ правою; 27) входъ во Іерусалимъ; 28) срѣтеніе Христа съ ваіями; 29) человѣкъ, держащій подъ лѣвою рукою животное (котораго видна одна голова), а въ правой хлѣбъ. Въ III-мъ: 30) человѣкъ(*), держащій въ лѣвой рукѣ искривленное копье, а въ правой длинный мечъ, обращенные внизъ; 31) лобзаніе Іудино; 32) человѣкъ, держащій змѣю, обвитую около его тѣла; 33) Спаситель въ темницѣ. Въ IV-мъ: 34) дверная рукоятка, придѣланная къ львиной челюсти, въ которой видна голова съ крыльями; не означаетъ

(*) Съ надписью. «ige-ге».

ли это дьявола, тѣмъ болѣе, что изображеніе сіе находится въ симметріи съ рукояткою первой половинки дверей, изображающею муку грѣшныхъ? 35) человѣкъ, съ надписью: «Король», держащій правою рукою на плечѣ мечъ, а лѣвою ножны у бедра; на головѣ его корона съ зубцами; 36) Царь Иродъ, въ такой же коронѣ; правою рукою онъ опирается на колѣно, а въ лѣвой держитъ скипетръ; 37) бичеваніе Іисуса Христа. Въ V-мъ: 38) распятіе; 39) женщина, держащая въ правой рукѣ сосудъ съ высокою крышкою, а лѣвою опирающаяся на колѣно; 40) человѣкъ, держащійся обѣими руками за кушакъ; 41) Мироносицы при гробѣ Христа. Въ VI-мъ: 42) сошествіе Христово во адъ; 43) Вихманъ, Епископъ Магдебургскій; 44) Христосъ среди двухъ Архангеловъ; 45) человѣкъ съ переломленнымъ мечемъ въ правой рукѣ, а лѣвою держащійся за ножны. Въ VII-мъ: 46) три вооруженныхъ воина, изъ коихъ средній стоитъ на драконѣ; 47) воинъ, отрубающій голову юношѣ; оба они стоятъ на множествѣ дѣтскихъ головъ — не означаетъ ли это избіенія младенцовъ? 48) центавръ, оглядывающійся назадъ; хотя у лѣвой его руки нѣтъ кисти, но по положенію правой, видно, что онъ только лишъ предъ тѣмъ пустилъ стрѣлу изъ лука.

Рамы шире каймы; тѣ и другія составлены изъ частей неравной величины, отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ аршинъ въ длину. Почти вездѣ, гдѣ поперечныя каймы встрѣчаются съ продольными, находятся большія

бляхи съ розетками, изъ коихъ одне отлиты, а другія вырѣзаны. Узоръ рамъ и каймы не вездѣ одинаковъ и даже не симметриченъ: рамы, идущія въ длину, съ лѣвой и правой сторонъ, на обѣихъ половинкахъ одинаковы, за исключеніемъ лѣвой стороны, съ половины 18-й и 42-й досокъ, гдѣ узоры различные; поперечныя рамы внизу одинаковы; а верхнія поперечныя обѣихъ половинокъ имѣютъ тотъ же рисунокъ, какъ и поперечныя каймы II, III, IV, V и VI го отдѣленій на первой половинкѣ и I, III, IV и V-го на второй, равно какъ и продольныя на первой половинкѣ, гдѣ между нижними краями 5-й и 6-й досокъ вмѣсто бляхи помѣщена фигурка, изображающая старика, держащаго обѣими руками висячій замокъ, а отъ верху 21-й доски до конца вратъ, вмѣсто каймы, вставлена одинаковой съ нею ширины дощечка, изображающая литейнаго мастера Авраама, такъ что VII-е отдѣленіе идетъ во всю ширину первой половинки. На второй половинкѣ, начиная отъ верху 39-й доски до конца вратъ, а въ остальной части отъ верху 27-й до низу 35-й, кайма прерывается человѣческими фигурками: здѣсь помѣщены мужчина, держащій въ правой рукѣ длинное копье, а лѣвою опирающійся на продолговатый щитъ съ изображеніемъ сіяющаго солнца; къ нему ногами, а головою внизъ, обращена женщина со свиткомъ въ правой рукѣ; ея головы касается маленькая фигурка мужчины съ сложенными на

груди руками, помѣщенная въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало быть бляхѣ съ розеткою, какъ-бы для симметріи съ находящеюся противъ нея на первой половинкѣ въ подобномъ же мѣстѣ фигуркою съ замкомъ. Далѣе, подъ ногами мужчины, стоитъ на колесѣ старикъ съ длинною палкою въ правой рукѣ, приложивъ лѣвую ко рту. За нимъ слѣдуетъ распростертая ящерица, коей задняя часть закрыта розеткою; потомъ воинъ съ остроконечнымъ на головѣ шлемомъ и съ длиннымъ копьемъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой съ круглымъ щитомъ, раздѣленнымъ крестообразно. Подъ нимъ тоже распростертая ящерица, прилегающая къ розеткѣ, за которою начинается повтореніе общаго украшенія каймы; 1-я же поперечная кайма первой половинки вратъ одинакова съ послѣднею второй половинки съ нѣкоторымъ лишъ измѣненіемъ, а 2-я второй же половинки — особеннаго узора.

Цвѣтъ метала не вездѣ одинаковъ: то зеленоватый, то желтоватый. Изображенія на доскахъ сдѣланы, повидимому, не однимъ мастеромъ: одни изъ нихъ хорошо изобрѣтены и выполнены, наприм. на доскахъ 6, 11, 17, 23, 33, 38, 42, 43-й, изъ коихъ на 11-й, гдѣ голова съ крыльями выдается впередъ болѣе чѣмъ на два дюйма, видно искусство; другія, напротивъ, сдѣланы грубо, каковы 18-я, 37-я доски. Изъ 54-хъ надписей 29-ть на Славянскомъ языкѣ, 17-ть на Латинскомъ и 8-мь на Латинскомъ же съ Славянскимъ

переводомъ; 13-ть досокъ вовсе безъ надписей. Всѣ эти надписи сдѣланы большею частію невѣрно и нерадиво, наприм. на 20-й доскѣ написано по Латынѣ: «riquin me fec», т. е. fecit, а по Русски переведено: «мастеръ Никвинъ менеги»; на 2-й доскѣ, надъ изображеніемъ Апостола Павла, сдѣлана надпись: «Пречистая», тогда какъ это слово явно относится къ смежной доскѣ (1-й), гдѣ изображена Богоматерь. Только на 17-й и 43-й доскахъ Латинскія надписи, означающія имена двухъ Епископовъ, вырѣзаны тщательно и красиво. Славянскія надписи, судя по формѣ буквъ и употребленію знака + вмѣсто знака препинанія, принадлежатъ къ древнему письму и сдѣланы не позже 14-го вѣка, а Латинскія къ Готическому и относятся къ 13-му и 14-му вѣкамъ. Узоръ же рамъ и каймы, составленной изъ дугъ и листьевъ, сдѣланъ вообще съ отличнымъ вкусомъ.

О происхожденіи этихъ вратъ было много ученыхъ споровъ, поводомъ къ которымъ послужило то, что онѣ съ глубокой древности извѣстны подъ именемъ Корсунскихъ. — Главныхъ мнѣній собственно два: по одному, Корсунскія врата почитаются Греческаго происхожденія, а по другому — Нижне-Саксонскаго, и сдѣланы въ Магдебургѣ. Первое изъ этихъ мнѣній, относительно того, какимъ образомъ врата сіи могли попасть изъ Корсуни (Херсона) въ Новгородъ, подраздѣляется на три вида: одни изъ ученыхъ, основываясь на

древнѣйшемъ преданіи (которое было уже извѣстно Герберштейну, при посѣщеніи имъ Новгорода въ 1517-мъ году, и безотчетно повторялось въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій), что врата привезены изъ Корсуни, полагаютъ: будто-бы Владиміръ Великій, по завоеваніи сего города, взялъ ихъ оттуда, въ числѣ добычи, и подарилъ Новгороду. На замѣчаніе же, что въ лѣтописи, гдѣ подробно описано возвращеніе Владиміра изъ Корсуни, ни слова не упоминается о вратахъ, тогда какъ онѣ, безсомнѣнія, составляли бы въ то время для Русскихъ величайшую рѣдкость, возражаютъ, что въ свидѣтельствѣ Нестора, по коему Владиміръ вывезъ изъ Корсуни: «два коня мѣдяны и два капища мѣдяны», подъ словомъ капище должно разумѣть именно двери, производя его отъ двухъ словъ: *капи* и *ще*, изъ коихъ первое есть искаженное Латинское слово, принятое изъ Греческаго языка, scapus (во множ. числѣ scapi), означающее дверные косяки съ петлями; въ Россіи же, отъ глубокой древности, скапами называются кромѣ того и самые затворы: поэтому вѣроятно, что и двое дверей были вывезены изъ Корсуни подъ именемъ скаповъ; и какъ онѣ были слишкомъ огромны, то Несторъ къ слову скапъ прибавилъ увеличительную частицу *ще*, а переписчики, въ позднѣйшее время, или по ошибкѣ, или желая исправить мнимую ошибку, опустили начальную букву *с*, отъ чего, вмѣсто дверей, называвшихся скапами, а у

Нестора скапищами, произошло искаженное слово капище; другое слово: кони, вѣроятно есть иконы, и произошло отъ пропуска, по ошибкѣ писца, буквы *и* (*). Другіе, сличая сказаніе Нестора о привезеніи Владиміромъ въ Кіевъ мѣдныхъ иконъ и церковныхъ утварей, съ Новгородскою лѣтописью, гдѣ подъ 1356-мъ годомъ упоминается, что Епископъ Василій устроилъ мѣдныя вызолоченныя двери у Софійскаго собора, и съ добавленіемъ къ тому Татищева, что онѣ куплены за большую цѣну у Нѣмцевъ, утверждаютъ: что изъ Корсунской добычи Владиміръ удѣлилъ Новгороду нѣсколько мѣдныхъ иконъ и что въ послѣдствіи времени Епископъ Василій, желая обложить ими западныя двери Софійскаго собора, вызвалъ для того Нѣмецкихъ художниковъ; но какъ тѣхъ иконъ было недостаточно, то онъ пополнилъ ихъ прикупленными въ Германіи изображеніями, заимствованными отъ Западной Церкви, рамами и каймою. Третьи, наконецъ, руководствуясь повѣствованіемъ Шведскаго историка Туана (**), что Владиміръ вывезъ изъ Корсуни двое мѣдныхъ вратъ, которыя Король Польскій Болеславъ II-й перенесъ послѣ въ Гнѣзно, для Римско-Католическаго

(*) Въ самомъ дѣлѣ: откуда бы взялись въ Корсуни капища, и для чего бы годились они Владиміру, который принялъ уже Св. крещеніе и старался объ искорененіи идоловъ?

(**) См. Thuani historia superioris seculi et ejus temporis. Francfurt, 1614-го года.

храма, доказываютъ, что Польша, находясь въ большихъ сношеніяхъ съ Новгородцами, безсомнѣнія возвратила имъ опыя, по старанію Архіепископа ихъ Василія, какъ драгоцѣнность, издавна Россіи принадлежавшую.–Второе мнѣніе, по которому Корсунскимъ вратамъ приписывается Нижне-Саксонское происхожденіе, основано между прочимъ на слѣдующихъ доказательствахъ: а) видъ священныхъ предметовъ, способъ изображенія и стиль ихъ нерѣдко встрѣчаются на Нѣмецкихъ памятникахъ 12-го и 13-го столѣтій, такъ напр. Новгородскія врата имѣютъ сходство съ мѣдными дверями Гильдесгеймскаго собора (въ Германіи), отлитыми по приказанію Епископа Форварда: работа въ тѣхъ и другихъ одинаковаго стиля; разница между ними лишь въ томъ, что на Новгородскихъ, которыя больше чѣмъ однимъ вѣкомъ новѣе Гильдесгеймскихъ, видны уже успѣхи въ искусствѣ; б) на многихъ доскахъ изображены Епископы и Священники Западной Церкви и Нѣмецкіе художники въ ихъ національномъ костюмѣ, и в) архитектура и украшенія—Нѣмецкія 12-го и 13-го вѣковъ: тонкія башенки съ узкими окнами и остроконечными верхами, тощія витыя колонны и полукруглые своды. Отечествомъ Новгородскихъ вратъ предполагаютъ городъ Магдебургъ, потому что онъ уже въ 10-мъ вѣкѣ, изъ всѣхъ Нижне-Саксонскихъ городовъ, былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и славился искусными литейщи-

ками: покровительство, оказанное ему Оттонами, великолѣпіе, которое такъ любили его Архіепископы, близость къ богатымъ Гарцскимъ рудникамъ и обширная торговля способствовали къ процвѣтанію этого города, гдѣ съ великою славою архіепископствовалъ знаменитый Вихманъ, имя котораго находится на Новгородскихъ вратахъ, и который дѣлалъ щедрыя приношенія для украшенія храмовъ.

Это мнѣніе, какъ основанное не на стародавнихъ преданіяхъ, а на строгихъ критическихъ изысканіяхъ, кажется, можно принять за справедливое: ибо Новгородцы, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Ганзейскими городами, гораздо естественнѣе могли купить, чрезъ Ганзейскихъ купцовъ, врата для украшенія Софійскаго собора, въ какомъ-нибудь Нѣмецкомъ городѣ, нежели въ Корсуни, съ коею они вовсе не имѣли сношеній. Итакъ, если врата Германскаго происхожденія: то онѣ, судя по изображенію на нихъ Вихмана, который былъ Архіепископомъ съ 1152-го по 1192-й годъ, сдѣланы не ранѣе второй половины 12-го столѣтія; но въ Новгородъ могли попасть не ранѣе конца 13-го вѣка, т. е. не прежде того времени, когда Новгородцы вошли въ тѣсныя связи съ Ганзейскими городами.

Здѣсь однакожъ раждается вопросъ: отъ чего картины Священнаго писанія не только перемѣшаны съ изображеніями, не имѣющими ни малѣй-

шаго къ нимъ отношенія, но даже на лѣвой половинкѣ врать находятся непростительныя ошибки въ расположеніи, такъ что паденіе перваго человѣка помѣщено послѣ Рождества Христова и прежде сотворенія Евы, а Богоявленіе прежде Благовѣщенія и Срѣтенія Господня, между тѣмъ какъ на правой половинкѣ историческія событія слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ?

Это могло случиться, по мнѣнію моему, отъ двухъ причинъ: или при бывшемъ въ 1340-мъ году пожарѣ первоначальный видъ вратъ претерпѣлъ значительное измѣненіе, или онѣ, по привезеніи ихъ изъ Германіи, уменьшены или увеличены, соразмѣрно отверстію входа. — Принимая въ соображеніе, что въ первомъ случаѣ остались бы гдѣ нибудь слѣды пожара на вратахъ, а во второмъ легче было бы распространить отверстіе, нежели уменьшить врата, и что отъ убавки произошелъ бы излишекъ, а не недостатокъ рамъ и каймы, — невольно приходишь къ заключенію, что врата передѣланы изъ мéньшихъ, и именно: по приказанію Новгородскаго Епископа Василія.

Но взглянемъ прежде, въ какомъ бы онѣ видѣ долженствовали быть вывезены изъ Германіи? На Гельдесгеймскихъ вратахъ, состоящихъ изъ 16-ти отдѣльныхъ картинъ, помѣщены на одной половинкѣ грѣхопаденіе прародителей съ послѣдствіями, на другой — искупленіе рода человѣческаго и основаніе Церкви. На Новгородскихъ же встрѣ-

чаемъ только 4-ре картины изъ Ветхаго Завѣта (10, 18, 21, 23-я доски), между тѣмъ какъ изъ Новаго 23-ри. Обстоятельство это какъ-бы намѣкаетъ намъ, что онѣ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, состояли изъ однихъ предметовъ новозавѣтныхъ и въ приличныхъ мѣстахъ заключали, кромѣ того, изображенія извѣстныхъ лицъ Западной Церкви, каковы: Архіепископъ Магдебургскій Вихманъ и другіе, съ аллегорическими изображеніями, имѣвшими связь съ цѣлымъ, изъ коихъ центавръ встрѣчается и на Аугсбургскихъ церковныхъ вратахъ въ такомъ же точно положеніи; притомъ видно, что портреты литейныхъ мастеровъ неслучайно расположены: дощечка съ изображеніемъ мастера Авраама, которая одинаковой ширины съ продольною каймою и служитъ ей окончаніемъ, какъ-бы нарочно помѣщена тутъ, вмѣсто нея, для указанія, что кайма сдѣлана этимъ художникомъ, между тѣмъ какъ по обѣ стороны симметрически помѣщены два изображенія другихъ двухъ художниковъ, Риквина (съ надписью: Риквинъ меня сдѣлалъ) и Вайсмута, для означенія, что при собираніи вратъ Риквинъ былъ главнымъ художникомъ; ибо если изображеніе это не признать за его портретъ и надпись отнести не ко всѣмъ вратамъ, а только къ одной этой маленькой дощечкѣ: то не естественно, чтобъ художникъ помѣстилъ свое имя подъ столь малозначущимъ трудомъ. Въ отношеніи рамъ и каймы примѣтно, что онѣ состояли прежде изъ

двухъ украшеній: рамы, идущія въ длину съ лѣвой и правой сторонъ на обѣихъ половинкахъ, были такого же узора, какъ и нынче, а всѣ поперечныя и продольныя полосы каймы съ поперечною верхнею рамою первой и второй половинокъ имѣютъ одинаковый рисунокъ, который есть господствующій; ибо очевидно, что верхняя поперечная рама другаго узора, нежели боковыя, единственно для единообразія съ каймою. Приставленные внизу боковыхъ рамъ съ лѣвой стороны первой и второй половинокъ два кусочка особаго рисунка и недостатокъ двухъ розетокъ явно свидѣтельствуютъ о прибавкѣ цѣлыхъ двухъ отдѣленій, а помѣщеніе нижней поперечной рамы и въ 4-хъ мѣстахъ каймы другаго узора, что врата увеличены и въ ширину. Для передѣлки такимъ образомъ вратъ потребовалось, кромѣ прибавки рамъ и каймы, нѣсколько новыхъ досокъ, — отъ чего на вратахъ и видно вездѣ усиліе, съ какимъ вставлены нѣкоторыя изображенія, по мѣрѣ необходимости замѣстить пустыя мѣста, а другія стѣснены добавочными (*), тамъ, гдѣ величина дверей не позволяла установить ихъ лучше, такъ что верхнія доски краями запущены за другія, а прочія не вездѣ хорошо пришлись къ рамамъ и каймѣ, закрывая даже часть изображеній и над-

---

(*) Добавочныхъ досокъ 20-ть (4, 7, 10, 12, 14, 16, 20, 22, 24, 26, 29, 30, 32, 35, 36, 39, 40, 45 и 47-я).

писей, наприм. на 19-й доскѣ въ словѣ: «крѣпость», начальныя двѣ буквы закрыты каймою.

Но если Новгородскія врата происходятъ не изъ Корсуни, то почему же онѣ называются Корсунскими? Нѣкоторые полагаютъ, что какъ Архіепископъ Василій приказалъ расписать западную паперть собора греческою живописью, называвшеюся тогда корсунскою, то и паперть отъ того стали въ послѣдствіи времени называть также Корсунскою. Противъ этого однакожъ возражаютъ, что паперть эта, въ коей погребенъ Святитель Василій, не называлась и послѣ смерти его Корсунскою, какъ видно изъ словъ Новгородскаго лѣтописца, который, повѣствуя о кончинѣ этого Архіепископа, говоритъ, что онъ положенъ въ притворѣ Св. Софіи со стороны Владычня (Архіерейскаго) двора, тогда какъ сего признака было бы вовсе не нужно, если паперть называлась бы Корсунскою. Ближе къ дѣлу слѣдующая догадка: въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ многія изъ утварей новой греческой работы (онѣ хранятся въ ризницѣ) и 4-ре изъ иконъ названы въ печатной описи также Корсунскими; подъ тѣмъ же именемъ извѣстны: икона соборной церкви въ Торопцѣ (именуемая и Ефесскою), пожертвованная будтобы, въ 1239-мъ году, супругою Александра Невскаго, и колоколъ, перевезенный въ 1510-мъ году Іоанномъ III-мъ изъ Пскова въ Москву. Это даетъ поводъ думать, что какъ супруга Владиміра Вели-

каго привезла съ собою множество отличныхъ издѣлій своего отечества, которыя получили названіе Корсунскихъ отъ мѣста, гдѣ она сочеталась бракомъ съ Великимъ Княземъ, и прибытіе ея въ Россію вызвало въ наше отечество многихъ греческихъ купцовъ и художниковъ: то все греческое, а потомъ и другія изящныя вещи, слѣдовательно и врата Софійскаго собора, вошло въ обычай называть Корсунскими, соединяя съ этимъ словомъ, безъ всякаго отношенія къ мѣсту, просто понятіе о превосходномъ.

Еще замѣчательны здѣсь другія врата, находящіяся въ придѣлѣ Рождества Богородицы и извѣстныя издавна подъ именемъ Шведскихъ или Сартунскихъ. Онѣ вышиною въ $3^3/_4$, шириною въ $1^1/_3$ аршинъ и состоятъ также изъ двухъ деревянныхъ половинокъ. Каждая изъ нихъ обложена цѣльнымъ мѣднымъ листомъ въ $^1/_4$ дюйма толщиною и раздѣляется каймою, состоящею изъ двухъ продольныхъ и 4-хъ поперечныхъ полосъ, на три равныя отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи заключается по четыреугольнику, составленному изъ двухъ рядовъ линій съ двойнымъ полукружіемъ внутри, въ которомъ помѣщенъ шестиконечный крестъ: верхній конецъ креста примыкаетъ къ полукружію, а нижній, касаясь основанія, раздѣляется на двѣ части, загнутыя къ верху на подобіе буквы *S*, какъ-бы къ кресту присоединялся якорь. Кайма сдѣлана съ большимъ вкусомъ и состоитъ изъ ро-

зетокъ, цвѣтовъ, звѣздъ и другихъ украшеній. На продольныхъ полосахъ по 7-ми розетокъ, а на поперечныхъ по три, изъ коихъ двѣ крайнія принадлежатъ уже къ продольнымъ полосамъ. Въ средниѣ каймы на внутренней продольной полосѣ обѣихъ половинокъ, вмѣсто розетокъ, помѣщены львиныя головки, какъ-бы для означенія мѣста для рукоятокъ. Такимъ образомъ на каждой половинкѣ дверей 17-ть розетокъ. Между каждыми двумя розетками на продольныхъ полосахъ, находится по три различныхъ украшенія: среднее состоитъ изъ продолговатаго кружка (еллипсиса) съ колокольчикомъ, либо съ лиліею внутри, а крайнія два походятъ на греческую букву омегу, прилегающую отверстіемъ къ розеткѣ, и содержатъ внутри: одно лучистую звѣзду, другое родъ запанки. Первыя два вида украшеній повторяются на каждой продольной полосѣ по три, а послѣднія два по 6-ти разъ. На поперечныхъ же полосахъ между розетками помѣщены рѣзныя изображенія горшковъ съ цвѣтами, заключенныя въ каймѣ, состоящей изъ 4-хъ двойныхъ дугъ. Таковыхъ украшеній на каждой поперечной полосѣ по два.

Исторія этихъ вратъ также неизвѣстна. Преданіе говоритъ, будто-бы онѣ взяты изъ бывшей Шведской столицы Сигтуны, отъ коей произошло искаженное ихъ названіе. Городъ этотъ находился при озерѣ Меллярѣ и, въ 1187-мъ году, разрушенъ морскими разбойниками, въ чемъ, по словамъ Швед-

ской лѣтописи, участвовали и Новгородцы, возвратившіеся оттуда съ богатою добычею. О вывозѣ вратъ Новгородцами изъ Сигтуны упоминаетъ также Шведскій историкъ Даллинъ, называя ихъ серебряными. Нынѣшнія же Сартунскія — мѣдныя. Развѣ не были ли онѣ въ то время столь хорошо высеребрены, что, по ошибкѣ, историкъ принялъ ихъ за серебряныя. Теперь однакожъ никакихъ слѣдовъ прежняго посеребренія на нихъ не видно.

Другая паперть, южная, устроена Архіепископомъ Мартиріемъ, гдѣ онъ и погребенъ, отъ чего она и называется Мартирьевскою.

Въ 6-й главѣ, возвышающейся надъ южнымъ входомъ въ соборъ, устроены хоры, состоящія изъ двухъ продолговатыхъ отдѣленій, извѣстныхъ въ древности подъ именемъ дивныхъ палатей. Въ одномъ изъ нихъ находится книгохранилище, древнѣйшее въ Россіи, заключающее въ себѣ до 1-тыс. рукописей, собраніе Славянскихъ книгъ перваго выхода, изъ коихъ многія взяты изъ Кирилло-Бѣлоозерской обители, и нѣкоторыя сочиненія Геннадія Архіепископа Новгородскаго и Псковскаго. Изъ рукописей особенно примѣчательны: харатейное Евангеліе 12-го вѣка, также Евангелія, писанныя Архіепископами: одно Моисеемъ на пергаменѣ, другое — Пименомъ въ 1553-мъ году. Въ другомъ отдѣленіи помѣщена архіерейская и соборная ризница, гдѣ замѣчательны: облаченіе

Епископа Никиты, которое нисколько не повредилось, несмотря на то, что оно было 450-ть лѣтъ въ землѣ на Святителѣ и болѣе 280-ти хранится уже въ ризницѣ; посохъ и желѣзныя вериги его же, и лампада — эта «свѣчка Великаго Новгорода (какъ сказано въ надписи, сдѣланной вокругъ нея изъ сквозныхъ буквъ), поставленная новому чудотворцу Никитѣ, въ лѣто 7066-е Апрѣля въ 30-й день, при Архіепископѣ Пименѣ»; келлейная мантія Архіепископа Моисея, коей нынѣ считается, со дня погребенія его, 477-мь лѣтъ; его же вериги, омофоръ, крещатыя ризы и стихарь; послѣднія двѣ одежды подарены Моисею, 1355-го года, отъ Греческаго Императора Іоанна Кантакузина; бѣлый клобукъ, присланный, 1352-го года, Епископу Василію отъ Патріарха Филофея, вышитый аміантомъ и осыпанный крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камеьями; мантія Архіепископа Іоанна, коей 652 года; вериги Архіепископа Евфимія; шестиконечный крестъ съ частію Животворящаго Древа; деревянные потиры; ризы и потиръ Патріарха Никона, изъ коихъ ризы унизаны жемчугомъ необыкновенной величины; три золотыя панагеи: одна съ огромнымъ въ срединѣ яхонтомъ, другая Архіепископа Пимена, съ крупнымъ жемчугомъ и съ яхонтами, и третья, осыпанная крупными солитерами, съ портретомъ Екатерины Великой, пожалованная Ею Митрополиту Дмитрію Сѣченову, въ 1672-мъ году; золотой крестъ съ 3-мя продолго-

ватыми сквозными яхонтами, принадлежавшій Папѣ Урбану IX и подаренный Екатериною II-ю Митрополиту Гавріилу; шапка Князей Новгородскихъ; два знамя Новгородскія, значекъ и два знамя стрѣлецкія, прикрѣпленныя къ длиннымъ шестамъ, имѣющимъ на верху пики, и нѣсколько рѣдкихъ монетъ, изъ коихъ одна 1328-го года, другая 1462-го, двѣ Новгородскія величиною съ полушку, и одна съ Государственнымъ гербомъ и надписью: «10 денегъ».

Къ западу отъ Софійскаго собора расположенъ Архіерейскій домъ. Подъ симъ названіемъ разумѣются древнія и новыя строенія съ принадлежащими къ нимъ садами, занимающія западный уголъ Кремля. Древнія жилища Преосвященныхъ заключаются внутри двора и называются по именамъ ихъ строителей. Никитскія или Васильевскія палаты сооружены Архіепископомъ Василіемъ, въ 1351-мъ году, вмѣсто деревянныхъ, построенныхъ Епископомъ Никитою. Онѣ заняты нынче братскими келліями и трапезою. Евфимьевскія сдѣланы Преосвященнымъ Евфиміемъ, въ 1434-мъ году, вмѣстѣ съ осьмиугольною башнею, превосходящею своею высотою всѣ городскія зданія, такъ что съ нея видны всѣ окрестности Новгорода. Не была ли она сторожевою башнею? Въ ней издревле находились часы, замѣненные въ 1674-мъ году другими, которые донынѣ существуютъ, но испорчены. Къ этимъ вторымъ

палатамъ, въ 1706-мъ году, придѣланъ двуэтажный флигель для духовнаго училища, гдѣ греческому языку обучали братья Іоанникій и Софроній Лихудовы; теперь же тутъ находятся уѣздное и приходское училища и воспитываются 20-ть сиротъ, на пждивеніи архіерейскаго дома. Наконецъ третія палаты—Іоанновскія, поставленныя Архіепископомъ Іоанномъ, въ 1594-мъ году; здѣсь въ одномъ изъ покоевъ существуетъ еще въ стѣнѣ затворъ, въ коемъ едва есть мѣсто стоять одному человѣку на колѣняхъ, и куда Св. Іоаннъ уединялся для молитвы; а въ другомъ, въ стѣнной впадинѣ виситъ мѣдный рукомойникъ, прославленный чудеснымъ преданіемъ о путешествіи Іоанна во Іерусалимъ, изображеннымъ тутъ же на стѣнѣ, вмѣстѣ съ другимъ слѣдующимъ чудомъ: когда Новгородцы, повѣря клеветѣ на цѣломудріе добродѣтельнаго мужа сего, пустили его на плоту внизъ по Волхову, то плотъ, къ общему изумленію, пошелъ противъ теченія, и Святитель, внявъ раскаянію народа, умолявшаго его о возвращеніи въ городъ, присталъ къ берегу у Юрьевскаго монастыря. Рядомъ съ этимъ покоемъ устроена, въ 1822-мъ году, изъ залы церковь во имя Св. Іоанна, Архіепископа Новгородскаго. Эта зала одна сохранила понынѣ первоначальный видъ свой: потолокъ ея со стѣнами выведенъ сводами, опирающимися на одномъ только столбѣ, утвержденномъ посрединѣ, и вся она украшена гранями, идущими въ разныхъ

симметрическихъ направленіяхъ и складенными изъ кирпича. Въ древности она была Епископскою Грановитою палатою, и введеніе въ нее новоизбраннаго Епископа выражалось: «возвести на сѣни». Обрядъ избранія состоялъ въ слѣдующемъ: на площади предъ Архіерейскимъ домомъ и Софійскимъ соборомъ собирался народъ, по звону вечеваго колокола, и избиралъ трехъ достойныхъ изъ духовнаго сана мужей; имена ихъ записывали на особыхъ ярлычкахъ, которые, запечатавъ одинаковою печатью, полагали на престолѣ Софійскаго собора. — По совершеніи литургіи, выносили два изъ ярлычковъ къ народу, а третій, оставшійся, означалъ имя новаго Епископа, котораго потомъ, чрезъ посланныхъ къ нему депутатовъ, торжественно вводили въ Архіерейскій домъ, а оттуда въ Грановитую палату, гдѣ почетнѣйшіе изъ гражданъ встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью. За тѣмъ новоизбранный вступалъ въ управленіе всѣми архіерейскими дѣлами, хотя еще и непосвященный въ этотъ санъ. Посвященіе же и грамоту принималъ онъ отъ Московскаго Митрополита.

Въ Греціи тѣ изъ Святителей, которые были поставлены изъ бѣлаго духовенства, носили, для отличія, бѣлые клобуки. Въ Россіи первый такой сталъ носить Новгородскій Архіепископъ Василій, который получилъ его отъ Греческаго Патріарха Филофея, вѣроятно, потому, что былъ избранъ въ Архіепископы изъ приходскихъ Свя-

щенниковъ. Въ послѣдствіи времени бѣлый клобукъ сдѣлался отличіемъ однихъ Митрополитовъ. Нынѣшнее жилище Архіереевъ составляетъ большое двуэтажное зданіе, начинающееся отъ воротъ Архіерейскаго двора и соединенное съ одноэтажнымъ домомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Житейнаго двора, принадлежавшаго до 1732-го года къ Юрьеву монастырю. Въ Архіерейской залѣ, стѣны украшены портретами всѣхъ Новгородскихъ Князей и Святителей, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ.

Подлѣ Софійскаго собора, къ Ю В., на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ теремецъ, находится другой соборъ, зимній, во имя входа во Іерусалимъ, основанный Митрополитомъ Свѣтеновымъ, въ 1556-мъ году. Къ востоку же, у самаго выхода изъ Кремля, помѣщается отдѣльная колокольня съ церковью, построенная въ 1439-мъ году. Она примыкаетъ къ крѣпостной стѣнѣ, надъ которою, образуя площадку, обнесенную перилами, возвышается въ видѣ стѣны съ 5-ю сквозными арками, гдѣ подъ одноглавою крышею висятъ колокола. Изъ нихъ самый большой, отлитый при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вѣситъ болѣе 1600-тъ пудовъ. Прежніе колокола, кромѣ одного, взяты Іоанномъ Грознымъ въ Москву. Въ числѣ ихъ, по преданію, былъ *шатунъ*: стоило только толкнуть у него языкъ и онъ начиналъ самъ собою звонить, пока не остановятъ. Другой извѣстенъ подъ име-

немъ казненаго, ибо ему, по приказанію Грознаго, отрублены уши. Въ послѣдствіи времени колоколъ этотъ былъ утвержденъ на двухъ желѣзныхъ брусьяхъ, постановленныхъ въ видѣ козелъ, которыхъ верхніе концы входили въ сдѣланныя въ немъ двѣ скважины, запаянныя вмѣстѣ съ ними; не смотря на то, онъ издавалъ прекрасный звукъ. Теперь перелили его въ другой.

Южная половина Кремля занята огромнымъ зданіемъ Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, предъ которымъ на обширной площади воздвигнутъ нынѣ памятникъ Новгородскому ополченію, подвизавшемуся въ достопамятный для Россіи 1812-й годъ. Онъ сдѣланъ по рисунку Брюлова и представляетъ пирамидальную четырегранную изъ чугуна колонну, вышиною въ 5-ть саж.; на ней со всѣхъ сторонъ изображено знамя ополченія въ лавровомъ вѣнкѣ, а на вершинѣ ея двуглавый орелъ, увѣнчанный Императорскою короною, опирается на лавровый вѣнокъ Пьедесталъ украшенъ надписями и барельефами, составленными изъ воинскихъ доспѣховъ, шлемовъ и мечей.

Лишь только выходите изъ Кремля, у ногъ вашихъ разстилается величественный Волховъ, покрытый барками и лодками. Не разъ онъ устрашалъ Новгородъ наводненіями. Одно изъ сихъ бѣдствій, бывшее въ 1421-мъ году, въ особен-

ности замѣчательно: отъ напора воды большая часть города была затоплена въ продолженіи нѣсколькихъ дней: по улицамъ ѣздили въ лодкахъ, жители укрывались на крышахъ домовъ, дождь лилъ безпрестанно; наконецъ 8-го Маія, когда затопленіе все еще увеличивалось, настала ужасная гроза, множество церквей и домовъ обрушилось, народъ уже отчаявался въ жизни и Архіепископъ Симеонъ, стоя на колѣняхъ въ Софійскомъ храмѣ, просплъ пощады Новгороду. — Волховъ издревле раздѣляетъ городъ на дѣ стороны: Софійскую, лежащую на лѣвомъ берегу рѣки, и Торговую — на правомъ. Обѣ стороны, какъ видно изъ упомянутаго выше изображенія Новгорода, находящагося подъ образомъ въ Знаменскомъ соборѣ, были обнесены стѣною, которая, при въѣздахъ въ городъ по валу, окружающему поныпѣ Новгородъ (*), и по другимъ многимъ мѣстамъ, имѣла нѣсколько башень, изъ копхъ 12-ть служили на Торговой сторонѣ входомъ въ улицы, сходившіяся на Торговой площади въ видѣ радіусовъ. Надъ главными же тамъ воротами возвышалась трехглавая церковь. Основаніе одной изъ сихъ

(*) Валъ этотъ сдѣланъ гораздо позже стѣны, и именно въ 1383-мъ и 1386-мъ годахъ. Чтожъ касается до бастіоновъ, видимыхъ на Софійской сторонѣ, то они сдѣланы при Петрѣ I-мъ, въ 1700-мъ году, послѣ неудачи подъ Нарвою, для огражденія Новгорода отъ преслѣдованій Шведскаго Короля.

башень, извѣстной подъ названіемъ *Бѣлой*, уцѣлѣло донынѣ.(*).

Въ древности Софійская сторона раздѣлялась на три конца, или части: Неровскій, Загородскій и Гончарскій, а Торговая на два: Славенскій и Плотенскій. Первый изъ нихъ, названный Неровскимъ потому, что чрезъ него шла дорога къ Нарвѣ, имѣлъ 20-ть улицъ и простирался отъ Кремля, внизъ по Волхову, къ нынѣшней Петербургской заставѣ, до улицы Легощи. Отсюда начинался второй конецъ, состоявшій изъ 3-хъ улицъ и продолжавшійся до Псковской заставы или Прусской улицы; Загородскимъ назывался онъ потому, что лежалъ за Кремлемъ или городомъ. Третій, съ 18-ю улицами, былъ прозванъ Гончарскимъ отъ поселившихся въ немъ гончаровъ и продолжался отъ Кремля вверхъ, по лѣвому берегу Волхова, до нынѣшней Троицкой ямской слободы. Четвертый былъ древнѣйшій и самый большой, почему и именовался Великимъ концомъ, а Славянскимъ названъ отъ того, что сюда прежде всего переселились Славяне съ Ильменя; онъ содержалъ 15-ть улицъ и заключалъ всю верхнюю часть Торговой стороны до улицъ Рогатицы и Буяной. Отсюда начинался пятый конецъ, въ коемъ было

(*) Стѣна и башни разрушены по приказанію Великаго Князя Іоанна Васильевича; вмѣсто ихъ, по валу Торговой стороны, онъ устроилъ, въ 1502-мъ году, палисадъ съ деревянными башнями.

17-ть улицъ; онъ названъ Плотницкимъ отъ жившихъ въ немъ плотниковъ и продолжался внизъ по Волхову, чрезъ Федоровскій ручей (*), до конца вала, или до нынѣшней Борисоглѣбской церкви. По распространеніи же города за валъ, были прибавлены: на Софійской сторонѣ — три конца: Неровскій за городомъ, Петровскій и Людинъ съ 7-ю запольями, или загородными слободами, которыя назывались: Козмодемьянское, Черковское, Прусское, Легощенское, Росткинское, Яневское и Воздвиженское, а на Торговой — два заполья: Никитинское и Радоговицкое. Первые два изъ новыхъ концовъ находились тамъ, гдѣ нынче Духовъ монастырь и Петропавловская церковь въ набережной слободѣ близъ Звѣринова монастыря, а третій — на лѣвомъ берегу Волхова вверхъ отъ Гончарскаго конца къ Юрьеву монастырю; въ нихъ было 18-ть улицъ.

Еще въ самой глубокой древности существовалъ на Волховѣ мостъ. О времени первоначальнаго его построенія не извѣстно. По возобновленіи же, именно около 1133-го года, онъ былъ устроенъ на деревянныхъ ряжахъ, загруженныхъ камнемъ, и, составляя противъ теченія дугу, простиравшуюся чрезъ поперечную отмель рѣки, велъ изъ южной

(*) Этимъ ручьемъ, который лѣтомъ пересыхаетъ, раздѣляется Торговая сторона поперегъ, на двѣ неравныя части, изъ коихъ бо́льшая лежитъ отъ него къ ЮЗ., а ме́ньшая, примыкающая къ Московской заставѣ, — къ С В.

части Славянскаго конца Торговой стороны на Софійскую къ Троицкой церкви нынѣшней Троицкой ямской слободы: чрезъ Волховъ, поемный лугъ и протокъ Мячкинскаго озера, въ Людинъ конецъ, сквозь подъемныя дубовыя ворота Павловской башни, чрезъ которую тогда былъ единственный входъ въ крѣпость. Этотъ мостъ назывался Великимъ. Здѣсь происходили иногда умилительныя зрѣлища, такъ напримѣръ, при введеніи Христіанства въ Новгородѣ, въ струяхъ Волховскихъ выше моста были крещены мужчины, а ниже его — женщины; но чаще этотъ мостъ представлялъ кровавыя картины: здѣсь страшными битвами разрѣшалась ненависть одной стороны къ другой, Софійской и Торговой, ссорившихся нерѣдко за маловажныя причины, и жертвы народной вражды низвергались съ моста въ Волховъ! Въ одну изъ такихъ смутъ (1418-го года), когда при страшныхъ раскатахъ грома и блескѣ молній, народъ продолжалъ еще волноваться, Архіепископъ Симеонъ, для примиренія разъяренныхъ гражданъ, стремившихся отъ Вѣча и отъ Св. Софіи другъ противъ друга, явился среди моста и, животворящимъ крестомъ благословляя обѣ враждебныя стороны, привелъ ихъ мгновенно въ такое умиленіе, что враги разстались друзьями. Слѣды моста видны понынѣ на днѣ рѣки близъ праваго берега, гдѣ осенью ставится обыкновенно веха для безопаснаго хода барокъ. Нерѣдко отъ пожаровъ,

наводненій и льда, нацосимаго съ озера бурею, онъ подвергался разрушенію, такъ напримѣръ, въ 1267-мъ году, когда отъ бывшаго въ городѣ пожара сгорѣло такое множество на Волховѣ лодокъ, что по выраженію лѣтописца, огонь ходилъ по водѣ. Наконецъ, за ветхостію, этотъ мостъ былъ замѣненъ другимъ, построеннымъ въ 1545-мъ году, ниже прежняго мѣста. Онъ возвышался надъ обыкновенною поверхностію рѣки только около 16-ти футовъ, такъ что во время наводненія 1807-го года вода подходила подъ балки. При разборкѣ его въ 1851-мъ году, судя по мостовымъ сваямъ, оказалось, что онъ нѣкогда горѣлъ и снова былъ построенъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Въ западной части моста, къ южному его боку примыкала часовня Животворящаго Креста (*),

---

(*) Крестъ этотъ, издревле называющійся чуднымъ, т. е. чудотворнымъ, вырѣзанъ изъ липоваго дерева въ стилѣ древняго Греческаго искусства; онъ вышиною въ 3-ри арш. и 6-ть верш., шириною въ $7^3/_4$ арш.; на немъ изображено распятіе Господа. Лицевые края креста и буквы, какъ замѣтно, были прежде позлащены, но позолота отъ времени потускнѣла и приняла кофейный цвѣтъ. На подножіи креста вырѣзана выпуклыми буквами надпись: «7056 (1548-го) лѣта Сентября при Царѣ и Государѣ и «Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси, при Архіепи«скопѣ Ѳеодорѣ Великаго Новгорода и Пскова построенъ бысть «крестъ сей повелѣніемъ раба Божія Петра Нелѣжина для мо«сту». Впрочемъ этотъ крестъ долженъ быть древнѣе показаннаго на немъ времени, потому что онъ вѣроятно тотъ самый, который еще Великимъ Княземъ Владиміромъ Ярославичемъ былъ водруженъ на мѣстѣ, предназначенномъ имъ для построенія Софійскаго собора. Послѣ онъ былъ потерянъ и снова, 1069-го года.

который, по вѣрѣ народной, охранялъ мостъ отъ бурь непостоянаго Волхова. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ этой часовни, во времена язычества, возвышался надъ Волховомъ идолъ Перунъ и когда Новгородцы, по принятіи Христіанской вѣры, низвергнули его въ Волховъ, то онъ поплылъ вверхъ по рѣкѣ и, бросивъ на Великій мостъ палицу (*), сказалъ Новгородцамъ: «храните ее люди въ память о мнѣ». Съ тѣхъ поръ Новгородцы ежегодно въ этотъ день дрались на мосту палками въ честь Перуна. Предъ часовнею Архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами встрѣчалъ Грознаго, во дни гнѣва его противъ Новгорода, и когда для встрѣчи Царя, внезапно ударили въ Кремлевскій колоколъ — испуганный конь упалъ подъ Іоанномъ. Царь велѣлъ отрубить колоколу уши. Съ этого же моста, въ тѣ дни гнѣва, въ продолженіи 5-ти недѣль, бросали народъ цѣлыми семействами въ Волховъ и воины, разъѣзжая по рѣкѣ на лодкахъ, кололи и били всплывавшихъ.

обрѣтенъ, при Епископѣ Ѳеодорѣ. О обрѣтеніи его сказано въ Софійской и Никоновской лѣтописяхъ такъ: «заутра обрѣтеся «крестъ Кн. Владиміра въ Святѣй Софіи на полатяхъ, его же «взялъ Кн. Всеславъ Полоцкій ратію во Святѣй Софіи».

(*) Это однакожъ преданіе само себѣ противорѣчитъ: ибо далѣе оно же разсказываетъ, что низверженный идолъ остановился у Волховскаго берега, близъ устья рѣки Питьбы (въ 4-хъ верстахъ отъ города), т. е. тамъ, гдѣ нынѣ Устьинская мыза. Слѣд. идолъ плылъ не вверхъ по рѣкѣ, а по теченію ея, т. е. не мимо Великаго моста. Не вѣрнѣе ли другое преданіе, что Перунъ стоялъ на урочищѣ Перынѣ, какъ ниже увидимъ?

Нынѣшній Волховскій мостъ находится прямо противъ входа въ кремль и составляетъ съ Знаменскою улицею Торговой стороны прямую линію. Теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ столь быстро, что вода зимою не замерзаетъ (*); ширина рѣки тутъ 110 ть саж., глубина отъ 14-ти до 16-ти фут.; а весною высота воды достигаетъ до 51-го фута. Мостъ состоитъ изъ 11-ти отверстій съ 10-ю каменными устоями (быками) и двумя береговыми укрѣпленіями. Длина его $117^1/_2$ саж., ширина 6-ть и составлена изъ 8-ми продольныхъ арокъ, а высота отъ дна рѣки на фарватерѣ 7-мь саж. Наибольшее отверстіе въ поперечникѣ 11-ть саж. 4-ре фута, наименьшее 5-ть саж. 2 фута; сложная ширина пролетовъ между всѣми отверстіями 86-ть саж. Сооруженіе на быстромъ и глубокомъ мѣстѣ рѣки каменныхъ устосвъ требовало новаго способа построенія; именно посредствомъ плавающихъ ящиковъ, которые опускаются тяжестію каменной въ нихъ кладки на сваи, горизонтально спиленныя. Употребленіе такого рода понтоновъ введено Англійскимъ Инженеромъ, Швейцарцемъ Лабели, при сооруженіи Вестминстерскаго моста на Темзѣ въ 1738-мъ году. Чрезъ 19-ть лѣтъ послѣ этого перваго опыта, Французскіе Инженеры Во-

(*) Вообще же теченіе Волхова, за исключеніемъ, разумѣется, пороговъ, до такой степени тихо, что въ иныхъ мѣстахъ почти не замѣтно, — почему не разъ весною, отъ сильнаго напора въ Ладожскомъ озерѣ льда, вода въ Волховъ останавливалась, потомъ отъ 5-ти до 7-ми дней шла вверхъ, т. е. въ Ильмень.

гліо и Сессаръ по тому же способу построили въ 1757-мъ году мостъ чрезъ Лоару въ городѣ Соморѣ. — Одинъ изъ устоевъ противъ Софійской стороны и оба береговыя укрѣпленія произведены посредствомъ отвода воды перемычкою, сдѣланною изъ шпунтовыхъ свай. Изъ промежуточнаго пространства длиною около 50-ти саж., съ помощію Архимедова винта, была вынита вода и вынута земля. По набитіи свай для закладки этого устоя и береговыхъ укрѣпленій, устроено основаніе на земляномъ грунтѣ, который большею частію оказался крѣпкимъ; послѣ того пространство между сваями и лежнями забучено плитою. Прочіе же 9-ть устоевъ строены въ погруженныхъ на дно рѣки плоскодонныхъ ящикахъ или понтонахъ (caisson) изъ сосноваго лѣса, закрѣпленныхъ и законопаченныхъ въ пазахъ. Но какъ величина погружаемыхъ понтоновъ должна равняться величинѣ устоевъ, а высота нѣсколько превосходить горизонтъ воды: то употребленные для того понтоны имѣли до 25-ти футовъ вышины. Ихъ должно было установить на твердой и ровной поверхности, неподверженной никакой осадкѣ: для этого, по причинѣ неровнаго и вязкаго дна рѣки, въ каждомъ назначенномъ для понтона мѣстѣ забито по 250-ти свай (*) длиною отъ 6-ти до 7-ми саж., ко-

(*) При битьѣ свай наблюдается вообще правило: бить каждую сваю до тѣхъ поръ, пока отъ 50-ти ударовъ она станетъ подаваться не болѣе уже, какъ на $^1/_2$ вершка.

торыя потомъ, будучи спилены подъ водою наравнѣ съ дномъ рѣки особенною пилою, изобрѣтенною знаменитымъ Бетанкуромъ, образовали изъ себя твердую, уровненную плоскость, на коей и установлялся понтонъ. Для предохраненія понтоновъ отъ поврежденія при неосторожномъ спускѣ на воду, они были спущены при весенних водахъ и потомъ удобно заведены на свои мѣста; но дабы теченіемъ воды ихъ не относило въ сторону, ихъ изрѣдка околотили кругомъ сваями, наблюдая, чтобъ на нихъ не нанесло чего-либо быстротою воды: въ противномъ случаѣ не только могла затрудниться ровная осадка понтона, но и произойти въ немъ порча, влекущая за собою течь, которая воспрепятствовала бы продолженію производства въ немъ каменной кладки. Обтесанные камни клались въ понтонахъ на гидравлической извести, которая твердѣетъ въ водѣ и выжигается изъ добываемой въ Волховскихъ порогахъ плиты (*). Понтоны опускались ко дну по мѣрѣ увеличенія въ нихъ кладки.—Давленіе тяжести, доходившее въ нихъ до 30.000 пуд., требовало тщательнаго скрѣпленія днища съ боками: ибо на 16-ти футовой глубинѣ понтонъ садится на дно рѣки при выведеніи въ немъ каменнаго груза на 8-мь фут. высоты; слѣдовательно, послѣ такой осадки,

(*) Такое свойство въ этой плитѣ открыто Инженеръ-Полковниками Ламе и Клапейрономъ. Выжигаемая изъ нея известь совершенно замѣняетъ употребленіе Римскаго цемента (пуццолана).

его должно было содержать внутри сухимъ, пока выводились остальные 8-мь фут. кладки. При чемъ замѣчено, что эти понтоны, построенные изъ сосноваго лѣса, могли выдерживать давленіе воды только до 14-ти фут. глубины, но при погруженіи ихъ глубже этой мѣры, на поверхности дерева внутри понтона садилась вода, въ видѣ росы, проникая сквозь поры дерева, а потому на бо́льшей глубинѣ должно было дѣлать ихъ изъ крѣпчайшаго дерева. Когда такимъ способомъ были устроены нижнія части устоевъ, обложенныхъ съ боковъ гранитомъ и выведена каменная кладка поверхъ воды такъ высоко, что можно было продолжать работу безъ помощи понтона: тогда бока его отвинчивали отъ днища (*), которое, будучи пригато къ ростверку тягостію нѣсколькихъ сотъ тысячь пудовъ гранита и плиты, оставалось навсегда основаніемъ каменнаго устоя. Если бы для работы этихъ 9-ти устоевъ прибѣгнуть также къ перемычкамъ — средству, доселѣ исключительно у насъ принятому: то для нихъ потребовалось бы шпунтовыхъ свай отъ 6-ти до 7-ми саж. длиною, ибо глубина Волхова въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ надлежало быть, значительна; сверхъ того отливъ воды изъ огромныхъ перемычекъ и устроеніе нужныхъ для того машинъ потребовали бы большихъ издержекъ,

(*) Въ стѣны понтона вдѣлывалось новое дно. Потомъ онъ снова скрѣплялся болтами, законопачивался снаружи и внутри, и осмаливался, — почему и годился опять для другихъ устоевъ.

въ особенности потому, что, по множеству на днѣ Волхова ключей, не возможно и вычерпать всю воду. Весь мостъ раздѣляется на три части: въ средней отверстія сведены деревянными арками (*); основаніе ихъ заложено въ каменныхъ устояхъ на высотѣ 33-хъ фут. отъ дна рѣки, а въ прочихъ двухъ частяхъ сдѣлано по три прохода, изъ коихъ во второмъ отъ праваго берега устроенъ подъемъ для пропуска мачтовыхъ судовъ, ибо въ этомъ мѣстѣ находится рѣчный фарватеръ. Помощію зубчатыхъ колесъ, покрытыхъ на поверхности моста ящиками, четыре человѣка легко поднимаютъ посредствомъ цѣпей оба щита подъемной части, изъ коихъ каждый длиною въ 21-нъ фут. и которые вмѣстѣ вѣсятъ до 1.000 пуд. — Подъемные щиты укрѣплены на желѣзныхъ петляхъ, расположенныхъ въ равновѣсіи съ баластомъ, находящимся на противоположныхъ концахъ, такъ что при слабомъ движеніи вала, на коемъ обвиты цѣпи, мостъ разводится въ 10-ть минутъ. Для того, чтобы щиты не качались, устроены двѣ рамы, на которыя они при спускѣ опираются; при подъемѣ поднимаются и самыя рамы, прилегая боками къ устоямъ. Но какъ чрезъ подъемную часть уничтожается давленіе арокъ на береговыя укрѣпле-

(*) Арки всѣ расположены и скрѣплены такъ, что части ихъ, въ случаѣ надобности, могутъ быть перемѣняемы, и при починкѣ одной стороны моста, можно безопасно ѣздить по другой.

нія, то по концамъ средней части моста сдѣланы устои толще прочихъ, такъ-называемые pilles-culles, которыхъ толщина опредѣлена такимъ образомъ, что нынѣшнія деревянныя арки можно замѣнить современемъ чугунными или каменными. Для единообразія съ подъемною частію, сдѣланъ и на другой сторонѣ моста надъ проходами также настилъ. Полъ моста идетъ дугою, склоненною къ концамъ на два фута и состоитъ изъ двойныхъ досокъ. Нижній рядъ ихъ засмоленъ для того, чтобы его не проникала капающая сверху вода, которая могла бы вредить находящимся подъ нимъ аркамъ, и для стока воды въ него вставлены мѣстами чугунныя воронки. Мостъ обведенъ узорчатою чугунною рѣшеткою и ночью освѣщается висячими фонарями. По бокамъ въ восточной его половинѣ возвышаются два гранитные столба съ чугунными же щитами, на коихъ означено время сооруженія моста; а въ западной къ южному боку примыкаетъ каменная часовня Животворящаго Креста, который перенесенъ сюда изъ бывшей на старомъ мосту часовни. Противъ же нея построена казарма для помѣщенія прислуги, наблюдающей за чистотою и исправностію моста.

Мостъ сей былъ заложенъ 14-го Сентября 1825-го, а открытъ 1-го Апрѣля 1831-го года. Онъ выстроенъ по проекту Инженеръ-Полковника Рейхеля, приведенному въ исполненіе Маіоромъ Розенкампфомъ, и стоилъ 849.164 руб. 76 коп. асс.

Отъ моста начинается Торговая сторона площадью, оканчивающеюся каменными лавками, извѣстными подъ именемъ базара, отъ котораго далѣе идетъ гостиный дворъ.

Торговая сторона также замѣчательна историческими воспоминаніями.

Здѣсь находился первоначальный соборъ, основанный въ 992-мъ году Епископомъ Іоакимомъ, Корсуняниномъ, присланнымъ изъ Кіева (*) въ Новгородъ, для обращенія язычниковъ къ Христіанству. Храмъ сей былъ деревянный, во имя Св. Іоакима и Анны, и въ послѣдствіи времени замѣненъ другимъ, деревяннымъ же, о 13-ти верхахъ или главахъ, построеннымъ во имя Св. Софіи Премудрости Божіей, въ подражаніе Константинопольскому собору; но онъ, около 1049-го года, сгорѣлъ и вмѣсто его построенъ наконецъ нынѣшній Софійскій соборъ. Хотя нѣкоторые помѣщаютъ первоначальный соборъ также въ Кремлѣ, именно, близъ церкви Св. Андрея Стратилата, однакожъ это мнѣніе ошибочно: ибо Христіанство было введено сперва на Торговой сторонѣ, тогда какъ на Софійской долго еще скрывалось язычество.

Почти у самаго моста, тамъ, гдѣ нынче домъ купца Сѣдова, существовалъ, какъ полагаютъ,

---

(*) Въ Кіевъ прибылъ онъ съ Царевною Анною, супругою Князя Владиміра, изъ Корсуни.

дворецъ Ярослава I-го, въ великолѣпіи которому, по словамъ Шведскаго лѣтописца Бильмарка, ни у одного изъ Сѣверныхъ Государей не было подобнаго. Здѣсь находили себѣ убѣжище: Король Норвежскій Олофъ Святый, лишенный престола; дѣти Англійскаго Короля Эдмунда Эдвинъ и Эдвардъ, изгнанные Канутомъ; Принцъ Венгерскій Андрей съ братомъ своимъ Левентою и Варяжскій Князь Симонъ, изгнанный дядею Якуномъ Слѣпымъ, и воспитывался Норвежскій Принцъ Гаральдъ. По указанію преданій, дворецъ Ярославовъ былъ обращенъ на СЗ., къ повороту рѣки. Передъ нимъ простиралась площадь до самаго берега, занимая все пространство отъ нынѣшняго Губернаторскаго дома, на мѣстѣ коего былъ тогда гостиный дворъ съ Католическою церковью, вдоль по Московской улицѣ. На площади, въ линію съ дворцомъ стояли монетный дворъ, Нѣмецкія (*) лавки, мясные ряды и питейный домъ. Сзади, по берегу, до улицы Славной, простирался Княжескій садъ; къ нему примыкали службы и дворъ, обращенные заднимъ

(*) Это былъ древнѣйшій въ Россіи гостиный дворъ, принадлежавшій Ганзейцамъ. Они ознакомились съ Новгородомъ посредствомъ острова Готланда, гдѣ городъ Висби, по выгодному мѣстоположенію своему, весьма рано сдѣлался торговымъ мѣстомъ для сѣверныхъ народовъ, въ томъ числѣ и для Русскихъ. Сперва Нѣмецкіе купцы торговали въ Новгородѣ, вмѣстѣ съ Готландцами, имѣвшими уже тамъ свою контору, а потомъ отдѣльно. Торговыя заведенія въ Новгородѣ тѣхъ и другихъ извѣстны были подъ названіемъ Нѣмецкаго или Варяжскаго двора.

фасадомъ на улицы Нутную и Никольскую. О существованіи тутъ дворца (*) свидѣтельствуетъ и самое мѣсто, покрытое множествомъ наносной земли и красивѣйшее въ городѣ: отсюда вся рѣка предъ глазами. Кромѣ того, находящійся тутъ же питейный домъ донынѣ слыветъ Стародворецкимъ, и здѣсь же видны еще и теперь слѣды дворцовой площади, на которой, подобно Московскимъ кремлевскимъ соборамъ, купообразно возвышаются 7-мь многоглавыхъ церквей, окружающихъ съ другими двумя развалину съ обгорѣлою черною башнею. Одна изъ этихъ церквей — храмъ Николы Дворищенскаго, построенный въ 1113-мъ году; низкая отдѣльная отъ нея колокольня примыкаетъ къ сѣверной сторонѣ развалины. Этотъ храмъ, стоящій нынѣ на Московской или Никольской улицѣ, находился на Княжемъ дворѣ и былъ соборомъ подъ названіемъ: «Никола на Дворищи».

На площади передъ дворцомъ, или «на Ярославлѣ Дворѣ», было Новгородское Вече, куда, во дни своихъ Посадниковъ, Тысяцкихъ и Сотскихъ (**),

---

(*) Въ послѣдствіи времени онъ неоднократно перестроивался, и въ послѣдній разъ, въ 1502-мъ году, при Іоаннѣ III.

(**) Всѣхъ Посадниковъ, въ продолженіи 508-ми лѣтняго существованія Новгородской республики, было 170-ть. Дѣйствовавшіе Посадникъ и Тысяцкій назывались Степенными отъ посада (посаженія) ихъ на степень, а прежде бывшіе — Старыми. Народъ же раздѣлялся на старѣйшинъ и меньшихъ, т. е. на старшихъ и младшихъ гражданъ (Бояръ, житыхъ людей или огнищанъ, т. е. домовитыхъ, купцевъ и черныхъ людей или чернь).

собирался «Господинъ Государь Новгородъ», по гласу вечеваго колокола: здѣсь избиралъ онъ Посадниковъ для управленія городомъ, Тысяцкихъ и Сотскихъ для предводительствованія войскомъ, даже Архіепископовъ; объявлялъ войну, заключалъ мирные и торговые договоры, низвергалъ ненавистныхъ сановниковъ и избиралъ любыхъ; производилъ судъ и расправу и не разъ давалъ повелѣнія самому Псковскому вечу, назначалъ Пскову своихъ Посадниковъ, посылалъ туда, для разбирательства споровъ, своихъ повѣренныхъ и требовалъ къ отвѣту и суду Псковичей въ Новгородъ, однимъ словомъ, по старинной поговоркѣ: «Новгородъ вольный былъ самосудъ, или судился своимъ судомъ». На вечѣ отправлялись и всѣ торжества; здѣсь объявлялось объ общей радости и опасности; здѣсь же наконецъ, по выраженію Лѣтописца: «Новгородцы такали, да Новгородъ протакали»! О причинѣ созванія возвѣщалось народу чрезъ глашатаевъ. Въ вечевыхъ собраніяхъ Посадникъ и прочіе Сановники не участвовали; они были только простыми исполнителями народныхъ приговоровъ, которые записывались Вечевымъ Дьякомъ и хранились въ ларѣ, находившемся въ завѣдываніи Ларника. По дѣламъ важнымъ совѣщанія происходили предварительно по городскимъ концамъ, а потомъ уже на вечѣ въ собраніи всего народа. Въ началѣ своего учрежденія, вече отличалось разсудительностію и безпристрастіемъ, но

послѣ сдѣлалось мѣстомъ несогласій, раздоровъ, корысти и властолюбія. Названіе *вече* не пропсходитъ ли отъ потерянпаго въ языкѣ нашемъ глагола *вѣчать*, однозначущаго съ *вѣщать* и употребляющагося нынѣ только въ соединеніи съ предлогомъ *отъ*: отвѣчать (отвѣщать)? Можетъ-быть, вмѣстѣ съ глаголомъ вечать потеряно и существительное его: *вѣчъ* или *вѣтъ*, отъ коего очевидно пропсходятъ слова: отвѣтъ, совѣтъ, привѣтъ, навѣтъ. Вѣроятно отъ этихъ двухъ потерянныхъ корней: вѣчъ и вѣтъ, произошли и слова, соотвѣтствующія Польскому слову сеймъ: *вечa* (вече), *вета* [веце (*)] и *ветча*, подъ каковыми названіями издревле были извѣстны у Славянъ народныя собранія.

Но когда и кѣмъ учрежденo Новгородское вече, откуда взялся вечевый колоколъ и гдѣ была вечевая башня, на которой онъ висѣлъ — преданіе и лѣтописи молчатъ. Исторически извѣстно, что вече было еще до Ярослава I-го, проспвшаго на вечѣ помощи у Новгородцевъ противъ брата своего Святополка. Нѣтъ сомнѣнія, что оно существовало въ гораздо отдаленнѣйшія времена. Можетъ-быть на немъ совершилась судьба Руси — призваніемъ въ Новгородъ «княжити и володѣти» трехъ братьевъ изъ Варяго-Русскихъ Князей: Рюрика, Синава и

(*) Въ Новгородскомъ нарѣчіи буква *т* часто перемѣняется на *ц*.

Трувора (внуковъ Гостомысла). Полагаютъ, что вечевый колоколъ былъ привезенъ въ Новгородъ изъ Корсуни, какъ и Псковскій, потому, что послѣдній въ Псковской лѣтописи, подъ 1518-мъ годомъ, называется Корсунскимъ вѣчникомъ (*). Вечевая же башня, по приказанію Великаго Князя Іоанна Васильевича, разрушена. Слѣдовъ ея должно искать, естественно, близъ Ярославова Дворища. Не ея ли остатки представляетъ обгорѣлая башня, находящаяся возлѣ колокольницы Дворищенскаго собора, о коей было говорено выше? Она четвероугольная: верхняя ея часть содержитъ комнаты, а нижняя занята теперь кладовыми и лавками. Вечевый колоколъ снятъ съ башни 15-го Января 1478-го года и увезенъ въ Москву. Не взирая на ужасъ, наведенный гнѣвомъ раздраженнаго Побѣдителя, Новгородцы толпами стекались на площадь, для послѣдняго цѣлованія колокола, и съ плачемъ провожали его далеко за городъ. Хранящійся нынѣ въ Московскомъ арсеналѣ вечевый колоколъ перелитъ изъ прежняго въ 1714-мъ году, какъ свидѣтельствуетъ о томъ сдѣланная на немъ надпись.

Недалеко отъ Ярославова Дворища былъ и домъ знаменитой Марѳы Посадницы — вдовы Исаака

(*) Въ Россіи начали лить колокола въ 14-мъ уже вѣкѣ и первые колокола, три большихъ и два малыхъ, вылиты въ Москвѣ въ 1346-мъ году.

Борецкаго (*), замышлявшей освободить Новгородцевъ отъ власти Іоанна III-го и выйти за мужъ за одного изъ Литовскихъ вельможей, дабы владычествовать именемъ Короля Казимира надъ Новгородомъ. О времени рожденія ея неизвѣстно. Она происходила изъ рода Ловинскихъ и имѣла на берегахъ Сѣверной Двины огромныя помѣстья. Нѣкоторые утверждаютъ, что она была за двумя мужьями: сперва будто-бы за какимъ-то Филиппомъ, а потомъ уже за Исаакомъ Борецкимъ. Догадка о первомъ бракѣ выведена единственно изъ граматы Корельскаго Николаевскаго монастыря, въ коей сказано, что она дана ему на села и земли Марѳою, основавшею его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребены сыновья ея Антонъ и Феликсъ Филипповы, утонувшіе въ морѣ. Но это сомнительно: ибо изъ граматы (**) не видно, что она дана имен-

---

(*) Хотя и включаютъ Исаака Борецкаго въ число Посадниковъ Новгородскихъ, однакожъ безъ всякихъ основаній. ибо о немъ ничего больше неизвѣстно, какъ только то, что онъ въ 1428-мъ году былъ вторымъ начальникомъ въ Порховѣ и, вмѣстѣ съ Посадникомъ Григоріемъ Кирилловичемъ, неудачно защищалъ городъ сей противъ Витовта.

(**) Вотъ текстъ этой граматы: «Во имя Отца и Сына и Св. «Духа, се азъ, раба Божія Марѳа, списа сіе рукописаніе при «своемъ животѣ, поставила есми церковь храмъ Св Николы въ «Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ, Антона да Феликса, а «дала есми въ домъ Св. Николы куплю мужа своего Филиппа «на *Лавлѣ* островѣ село, да въ *Конечныхъ* два села и по *Ма-«локурьѣ* пожни и рыбныя ловища, а по церковной сторонѣ до «*Кудмы* и вверхъ по Кудму и до озера, а въ *Ненокcѣ* мѣсто «*Засѣнки Полянка*; а приказываю домъ Св. Николы Господину

но Борецкою, а не другою какою Маѳою; притомъ и самое соображеніе времени противорѣчитъ этому выводу: извѣстно, что Николаевскій монастырь существовалъ уже въ 1419-мъ году; слѣдовательно, если предположить, что Маѳа вышла за Филиппа даже 15-ти лѣтъ, то въ 1471-мъ году было бы ей слишкомъ 70-ть, — въ каковыя лѣта не могла бы она такъ бодро дѣйствовать противъ Іоанна и не думала бы выйти за мужъ — за Литовскаго вельможу. Отъ Исаака же она имѣла двухъ сыновей: старшій, Дмитрій, въ 1471-мъ году былъ Посадникомъ Новгородскимъ; въ этомъ году онъ пожалованъ отъ Великаго Князя въ Бояре Московскіе, но потомъ 14-го Іюля того же года казненъ при устьѣ Шелони, по разбитіи тутъ Великимъ Княземъ Новгородцевъ. Другой, Ѳеодоръ, у коего былъ сынъ Василій, сосланъ въ 1475-мъ году въ Муромъ, гдѣ и умеръ 9-го Мая 1476-го года инокомъ. Названіе Посадницы, которою она никогда не была, дано ей, вѣроятно, потому, что она богатствомъ, знатностію и умомъ дѣйствовала на первѣйшихъ сановниковъ Новгорода и, посредствомъ ихъ, располагала самымъ вечемъ.

«своему деверю Ѳедору Григорьевичу и его дѣтямъ и Леонтію «Аввакумовичу, и зятю своему Аѳромею Васильевичу, а на то «Богъ послухъ и отецъ мой духовный Игуменъ Василій Св. «Спаса; а кто сіе писаніе преступитъ, или порушитъ, а наши «памяти залягутъ, сужуся съ нимъ предъ Богомъ въ день Страш«наго Суда».

Дивныя ея палаты, по одному преданію, находились на улицѣ Рогатѣ или Рогатицѣ, но по другому — на лѣвомъ берегу Волхова, на Софійской сторонѣ, въ Перевскомъ концѣ близъ Софійскаго собора и Архіерейскаго дома, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Кремля, тамъ, гдѣ прежде была Военная госпиталь, а нынѣ домъ Военно-сиротскаго отдѣленія (*). Это второе преданіе подтверждается и лѣтописью, по коей: «въ лѣто «6985-е (1476-е) Сентября 21-го бысть пожаръ отъ «Розважи улицѣ и до Барковѣ улицѣ, погоре побе-«режье все и до Великой улицы и Мареы Посадни-«цы чюдный дворъ». — Основываясь на семъ, нѣкоторые полагаютъ, что домъ Мареы былъ на Софійской сторонѣ, подлѣ Кремля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь въ концѣ Кремлевскаго сада бесѣдка.

Но которое изъ этихъ двухъ урочищъ принять за настоящее жительство Борецкой? — Не имѣла ли она въ обоихъ мѣстахъ дома, и когда одинъ изъ нихъ (чюдный дворъ) на Софійской сторонѣ,

---

(*) Близъ этого мѣста, недалеко отъ Волховскаго берега, въ 1821-мъ году, былъ вырытъ изъ земляного вала глиняный горшокъ съ древними Новгородскими серебряными гривнами и рублями. Древній рубль составлялъ четвертую часть Новгородской гривны, заключавшей въ себѣ полный фунтъ серебра и называвшейся Новгородскою для отличія отъ другихъ, которыя были легче. Фигура вырытыхъ рублей доказываетъ, что древніе Новгородцы заботились болѣе о вѣсѣ и качествѣ метала, нежели о красивой отдѣлкѣ.

по словамъ лѣтописи, сгорѣлъ: не перешла ли она въ другой домъ (на Торговой сторонѣ), не успѣвъ потомъ возобновить прежняго своего жилища, которое, только за полтора года до заточенія ея, сгорѣло.

Остатокъ послѣдняго дома я самъ видѣлъ (въ проѣздъ мой чрезъ Новгородъ 16-го Іюня 1857-го года) точно на томъ самомъ урочищѣ, на которое указываетъ первое преданіе: я нашелъ его въ сѣверовосточномъ углу двора, застроеннаго съ южной и западной сторонъ каменнымъ домомъ купца Митрофанова, на углу Рогатинской и Московской улицъ, подъ № 14-мъ. Видѣнный мною остатокъ составлялъ двухъ-этажное каменное строеніе, которое, вмѣсто прежней острокопечной чешуйчатой съ узорочными свѣтлыми теремами кровли, покрыто было низкою тесовою крышею, имѣвшею одно слуховое окно. На внѣшнихъ стѣнахъ еще видѣлись скульптурныя украшенія 15-го вѣка. Съ передней (южной) стороны дома, во второмъ этажѣ было три окна и къ правому углу, вмѣсто стариннаго Боярскаго крыльца, придѣлана деревянная лѣстница на подпоркахъ, покрытая отъ верху до половины высоты, вѣроятно, для того, чтобъ не заслонить единственнаго въ нижнемъ этажѣ окна. Съ боковой (западной) стороны, верхній этажъ имѣлъ также одно окно, которое, повидимому, не подвергалось никакой передѣлкѣ, ибо оно вдвое уже переднихъ оконъ; такимъ образомъ

отъ прежнихъ 24-хъ оконъ остались только 5-ть. Съ этой стороны къ нижнему этажу пристроенъ деревянный сарай, примыкающій къ небольшой каменной развалинѣ со сводомъ, поросшимъ травою и березникомъ. Эта развалина есть остатокъ отъ обширныхъ погребовъ, нѣкогда полныхъ «питіями преузорочными, романеею и медами сахарными». Она выходитъ въ Рогатинскую улицу, отстоитъ отъ угла Московской на 61-нъ шагъ и нынѣ обращена въ кузницу (*).

Читатель вѣрно не посѣтуетъ за черезъ-чуръ подробное описаніе дома знаменитой Марѳы Борецкой, когда узнаетъ, что отъ палатъ ея уцѣлѣла теперь одна лишь кузница. Владѣлецъ дома, вмѣсто того, чтобъ сберечь такую историческую древность, въ началѣ Іюля 1837-го года уничтожилъ ее, собственно отъ того, что подъ видомъ любопытствующихъ, заходили къ нему нерѣдко воры и уносили съ протянутыхъ на дворѣ веревокъ сушившееся бѣлье. Такъ отъ причинъ маловажныхъ изчезаютъ историческіе памятники! Не благоразумнѣе ли было бы построить для сушки бѣлья чуланъ?

Когда я смотрѣлъ на развалину и изуродованный остатокъ дома, — невольно приходило мнѣ на память предсказаніе Св. Зосимы, Игумена Соловецкаго: «скоро, скоро домъ сей опустѣетъ и дворъ

(*) Не подалеку отъ церкви Св. Климента, на Ю., есть древнее каменное строеніе, о которомъ также говорятъ, что оно принадлежало Борецкой.

его заростетъ травою»! — Этотъ старецъ пріѣзжалъ въ Новгородъ просить защиты противъ дѣлаемыхъ обители Двинскими жителями притѣсненій: по рѣшенію вечa, получилъ онъ для обители охранную грамату на исключительное владѣніе Соловецкими островами (*). При семъ вельможи и

(*) Грамата эта хранится въ ризницѣ Соловецкаго монастыря. Она писана на пергаментѣ и съ 8 ю сипцовыми печатьми. Драгоцѣнна же она въ особенности тѣмъ, что изъ нея видны имена послѣднихъ сановниковъ Новгородскихъ, ибо вскорѣ по отъѣздѣ Зосимы, Новгородская республика была уничтожена. Вотъ содержаніе граматы: «Господину Преосвященному Архіепископу «Великаго Новаграда и Пскова Владыкѣ Іонѣ, Господину Посад«нику Великаго Новгорода, Степенному Ивану Лукиничу и Ста«рымъ Посадникамъ, Господину Тысяцкому Великаго Новаго«рода Степенному Трифону Юрьевичу и Старымъ Тысяцкимъ «и Житейнымъ Людямъ и Боярамъ, и всему Господину Госу«дарю Новуграду, всѣмъ пяти концевъ на Вѣцѣ, на Ярослав«лѣ дворѣ. Се бiша челомъ Игуменъ Ивоня и вси Старцы Св. «Спаса и Св. Николы съ Соловцевъ съ Море-Окіяна, яркуци «такъ: Обитель Господа, Св. Спаса и Св. Николы, наша пустынь«ка отъ міру удалеся сто верстъ отъ людей, чтобъ есте Господа «жаловали обитель Св. Спаса и Св. Николы и насъ убогихъ «тѣми островки Соловки и островомъ Анзеры и островомъ Мук«сами и островомъ Заяцкимъ и малыми островки. И по благо«словенiи Господина Преосвященнаго Архіепископа Великаго Но«вагорода и Пскова, Владыки Іоны. Господинъ Посадникъ Вели«кого Новаграда Степенный Иванъ Лукиничъ и Старые Посад«ники и Господинъ Тысяцкій Великаго Новаграда Степенный «Трифонъ Юрьевичъ и Старые Тысяцкіе и Бояре и Житые «Люди и купцы, черные люди и весь Господинъ Государь Ве«ликій Новгородъ, всѣ пять концевъ на Вѣцѣ, на Ярославлѣ «Дворѣ, пожаловали Игумена Ивоню и всѣхъ старцевъ Обители «Св. Спаса и Св. Николы тѣми островы Соловки и Анзеры «островомъ и Муксами островомъ и Заяцкимъ островомъ и ма«лыми островки. Въ тѣхъ островахъ землею и ловищами и то«нями и пашнями и мшими озеры, земля имъ дѣлати и пошиъ

бояре Новгородскіе щедро одарили его; одна только Марѳа, по наговору слугъ своихъ, не благоволила къ старцу, который, бывъ ею не принятъ, предсказалъ ученикамъ своимъ о скоромъ запустѣніи ея дома; но потомъ она, узнавъ о справедливости жалобъ Зосимы и желая загладить свою ошибку, осыпала его ласками, пригласила вмѣстѣ съ вельможами къ обѣду и подарила обители богатыя волости на Корельскомъ берегу: Суму и Кемь (*). На этомъ-то пышномъ обѣдѣ было видѣніе Зосимѣ:

«косити и мшіе озера ловити и тонѣ ловити добровольно. А «Бояромъ Новгородскимъ, ни Корельскимъ дѣтямъ, ни иному никому «же въ тѣ островы не вступатися въ страдомую землю, ни въ пошнѣ, ни въ тонѣ, ни въ ловищѣ, ни въ череновъ не наряжати, «ни лѣсовъ не полесовать, ни комужъ чрезъ сію жалованную «Великаго Нова-города грамоту. А кто придетъ на тѣ острова на «ловлю, или на добытокъ, на сало и илна кожу, и по всѣмъ «тымъ давати въ домъ Св. Спаса и Св. Николы изъ всего десятина. А тыми островы и землею и водою и вещами и тонями и пожнями владѣти Игумену и всѣмъ Старцемъ обители Св. «Спаса и Св. Николы, по сей жалованной грамотѣ вовѣки. А «боронити Игумня и всѣхъ старцевъ всимъ Великимъ Новымъ «Городомъ. А кто умѣетъ наступиться на тѣ острова чрезъ сію «жалованную Великаго Новаграда грамоту и тотъ дастъ Великому Новугороду 100 рублей въ стѣну. Къ сей грамотѣ приложилъ Господинъ Преосвященный Архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова, Владыка Іона, свою печать, Степенный «Иванъ Лукиничъ и Тысяцкій, Степенный Трифонъ Юрьевичъ «приложиша свои печати. Повелѣніемъ всего Господина Государя Великаго Новагорода изъ всѣхъ пяти концевъ приложиша «по печати». Годъ, мѣсяцъ и число не показаны, по обычаю древнихъ писцовъ.

(*) Грамата на владѣніе этими волостями хранится въ Соловецкомъ монастырѣ. Она писана рукою сына Борецкой и скрѣплена свинцовою печатью Посадницы.

ему зрѣлись сидѣвшіе за столомъ шесть знаменитыхъ бояръ обезглавленными. Св. старецъ прослезился, закрылъ лице руками и не могъ вкушать яствъ; когда ученикъ его Даніилъ спросилъ его о причинѣ горести, то онъ, открывъ ему о видѣніи, сказалъ, что бояре, за гордость свою, будутъ преданы смерти. Оба предсказанія исполнились при дѣдѣ Грознаго. Гордая Марѳа, бывъ главною пружиною возстанія Новгородцевъ противъ Іоанна III-го, по взятіи имъ Новгорода въ 1478-мъ году, неизвѣстно куда была отправлена вмѣстѣ съ внукомъ ея Василіемъ; имѣніе ея разграблено; домъ ея остался пустъ по пророчеству Преподобнаго Зосимы. Время и мѣсто кончины ея неизвѣстны. Есть однакожъ преданіе, будто-бы она была послана въ заточеніе въ Нижній-Новгородъ, но на пути къ Москвѣ умерла и погребена въ Млевскомъ Троицкомъ монастырѣ, находящемся на лѣвомъ берегу Тверцы, въ 20-ти верстахъ къ С. отъ Вышняго-Волочка. Дѣйствительно въ полуторѣ верстѣ отъ села Млева существуетъ понынѣ на мѣстѣ бывшаго монастыря Троицкій Млевскій погостъ, гдѣ, при тамошней церкви Спаса Нерукотворенаго, найдена въ 1781-мъ году, при копаніи могилы для дворовaго человѣка Помѣщика Загряжскаго Василья Алексѣева, надгробная каменная плита. Она имѣетъ въ длину два аршина съ полувершкомъ, а въ ширину: вверху одинъ аршинъ съ полувершкомъ и внизу – полъаршина; вырыта

на глубинѣ одного аршина и положена надъ могилою, гдѣ и теперь находится. На ней вырѣзана древняя надпись въ слѣдующемъ видѣ:

лѣта 8
положенася
преставпс
я раба Божи
я Мароа на па..

Изъ древнихъ 73-хъ названій улицъ Новгорода нѣкоторыя сохранились донынѣ, какъ то: Михайловка, Холопья, Путная, Загородская, Ильина, Лукинская, Рогатица, Буяна, Антоновка, Розвижа, Варецкая и Добрынина; отъ прежнихъ 77-ми церквей осталось 51-на, изъ коихъ многія построены въ половинѣ 11-го и 12-го вѣковъ и пѣть ни одной позже 16-го вѣка (*); а отъ 55-ти монастырей существуетъ 15-ть, изъ коихъ три женскихъ на Софійской сторонѣ, а прочіе: 9-ть мужескихъ и одинъ женскій (Сырковъ), за городомъ.

Изъ церквей замѣчательны на Софійской сторонѣ: Пантелеймонская, обращенная въ приход-

---

(*) Изъ развалинъ церквей видно, что при построеніи ихъ не было въ употребленіи нынѣшней кирпичной кладки, а дѣлая большею частію стѣны изъ плиты и булыжника, — можетъ-быть связи, твердость основанія и защищеніе кровлею отъ дождей, были причиною, что онѣ стояли болѣе 700-тъ лѣтъ. Въ особенности замѣчательна церковь (в. Апостоловъ Петра и Павла по своей складкѣ камней, которые состоятъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ окрашенныхъ раковинъ, сплоченныхъ известью.

скую церковь изъ бывшаго Пантелеймонскаго монастыря; она стоитъ на Яковлевой (Яковлевѣ) улицѣ и осѣнена яблонями и высокими ясенями; а на Торговой: Великомученика Георгія на Знаменской улицѣ, противъ гостинаго двора; Св. Ипатія на Рогатинской; Пророка Иліи на улицѣ Славной; Знаменскій соборъ на Ильиной улицѣ (на восточномъ краю города) и Св. жены Мироносицъ, на Юрьевскомъ подворьѣ, что́ на Никольской улицѣ, возлѣ Дворищенскаго собора. Въ первой изъ нихъ почіютъ мощи Св. Николая Качанова, Юродиваго Новгородскаго. При второй, въ часовнѣ почиваетъ современникъ его и подражатель ему въ юродствѣ Блаженный Св. Ѳеодоръ. При третьей, также въ часовнѣ похоронены два брата Алфановы, посадники Новгородскіе (имена ихъ неизвѣстны); четвертая была извѣстна въ древности подъ именемъ Ильи сухаго, тогда какъ другая во имя же Иліи Пророка, существовавшая на Софійской сторонѣ, называлась: Илья мокрый; когда лѣто было дождливое и желали вёдра, то въ Ильинъ день совершался крестный ходъ въ церковь Ильи сухаго, а когда въ засуху нуждались напротивъ того въ дождѣ, то обращались въ Ильинъ же день къ Ильѣ мокрому. Знаменскій соборъ извѣстенъ по находящемуся въ немъ образу Знаменія Богородицы, подъ коимъ представлено событіе осады Новгорода Суздальскимъ Княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ въ 1170-мъ году, съ изобра

женіемъ города въ тогдашнемъ видѣ. Преданіе говоритъ, что при этой осадѣ, на Кремлевской стѣнѣ былъ выставленъ образъ Знаменія Богородицы и когда одинъ изъ воиновъ попалъ въ него стрѣлою: то войско непріятельское все было поражено слѣпотою; послѣ чего въ плѣнъ изъ онаго взято такое множество, что и «десятокъ Суздальцевъ продавался по гривнѣ». На колокольнѣ примѣчателенъ колоколъ, извѣстный въ исторіи Новгорода подъ именемъ набатнаго. Онъ издаетъ особенно унылый гулъ и висѣлъ прежде на высокой башнѣ у Софійскаго моста, тамъ гдѣ нынче стоитъ питейный домъ, называемый отъ того поднабатнымъ. Недалеко отъ этого собора въ деревянной часовнѣ сохраняется изображеніе Владимірской Божіей Матери, обозначившееся нѣкогда на задней внутренней сторонѣ русской печи, въ которой, по преданію, пекли просфоры для бывшаго на семъ мѣстѣ монастыря. Передняя и боковыя стороны печи отломаны. Наконецъ, въ церкви Св. жен. Мироносицъ замѣчателенъ полъ, устланный кирпичами, несмазанными известкою, такъ что каждый кирпичъ свободно вынимается: встарину женщины ставили подъ нихъ бѣлые глиняные горшечки, съ мелкимъ бѣлымъ пескомъ, сквозь который пропускали потомъ воду и пили ее для благополучнаго разрѣшенія отъ трудныхъ родовъ.

Теперь посѣтимъ заключающіеся въ чертѣ города монастыри и потомъ обратимся къ обозрѣнію

историческихъ окрестностей Новгорода съ загородными его обителями.

Духовъ монастырь, какъ видѣли уже выше, стоитъ у Петербургской заставы и основанъ въ 1162-мъ году. Здѣсь хранится посохъ Новгородскаго Архіепископа Моисея и находится могила 150-ти лѣтней инокини, скончавшейся въ 1805-мъ году. При рытьѣ каналовъ близъ монастыря открыто четыре слоя деревянной мостовой, одинъ на другомъ, изъ коихъ нижніе были еще цѣлы; между ними оставалось такъ много промежутковъ, что тамъ отыскивали человѣческія кости и гробы, а въ одномъ мѣстѣ найдено множество тѣлъ обвернутыхъ въ бересту. Десятинъ монастырь близъ Псковской заставы; построенъ, въ 1327-мъ году, Великою Княгинею Анною, супругою Ярослава; и Звѣринъ-Покровскій (къ СЗ. отъ Кремля) построенъ около 1148-го года. Названіе свое получилъ онъ отъ бывшаго на этомъ мѣстѣ Княжескаго звѣринца. Въ монастырѣ хранится древняя доска, на коей подробно говорится о числѣ людей (болѣе 250.000), истребленныхъ моровою язвою въ 1467-мъ году, и о бывшемъ Новгородскому Архіепископу Іонѣ чудномъ гласѣ, указавшемъ средства для избавленія города отъ мора: когда въ покорность этому гласу былъ совершенъ на 1-е число Октября крестный ходъ въ Звѣринъ монастырь, гдѣ тогда явился образъ Симеона Богопріимца, — и въ тотъ же день изъ бревенъ, кото-

рыя наносили изъ лѣса обыватели, была построена и освящена (обыденкою) (*) церковь во имя Св. Симеона, то моръ прекратился. Въ семъ монастырѣ похоронена, въ 1804-мъ году, инокиня, имѣвшая 130-ть лѣтъ отъ роду.

Обозрѣніе окрестностей Новгорода начнемъ отъ устья рѣки Варяжи, текущей изъ озера Каменскаго въ Ильмень, или съ урочищъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ Волхова къ ЮЗ. отъ города. Недалеко отъ устья Варяжи, на правомъ ея берегу, находится Клопскій Троицкій монастырь, гдѣ въ одномъ изъ придѣловъ соборной церкви, построенной Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, почиваютъ мощи Преподобнаго Михаила Клопскаго, который, будучи ближайшимъ родственникомъ Великаго Князя Василія Димитріевича, скрылся безъ вѣсти и, подъ видомъ юродства, утаивъ знаменитое свое происхожденіе, пришелъ, въ 1408-мъ году, изъ Москвы въ Клопскій монастырь въ рубищѣ, но въ послѣдствіи времени былъ узнанъ братомъ Великаго Князя, посѣтившимъ обитель. Исполненный дара пророчества, онъ, предсказавъ паденіе Новгорода и возведеніе Іоны въ Архіепископы, пришелъ въ часъ рожденія Іоанна III-го къ Нов-

---

(*) Другая обыденная церковь въ Новгородѣ была построена во имя Св. Евангелиста Марка, въ 1532-мъ году; народъ построилъ ее въ продолженіи одного дня, а ввечеру того же дня Архіепископъ Макарій освятилъ ее.

городскому Архіепископу Евфимію и сказалъ: «днесь Великій Князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему наслѣдника; зрю младенца, ознаменованнаго величіемъ: се Игуменъ Троицкія обители, Зиновій, крститъ его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ Князей и народы. Но горе нашей отчизнѣ — Новгородъ падетъ къ ногамъ Іоанновымъ и не возстанетъ». Внѣ ограды монастырской, въ 10-ти саженяхъ отъ Варяжи, есть колодезь, который, по преданію, произведенъ молитвами Св. Угодника, во время 5-лѣтняго бездождія. Ближе къ городу (въ 8-ми верстахъ отъ него), возвышается на холмѣ деревня Ракомо, гдѣ былъ загородный дворецъ Ярослава I-го. Тутъ въ 1015-мъ году совершилось убійство именитыхъ Новгородцевъ (*). Къ СВ. отъ нея лежитъ при Ильменѣ, близъ истока Волхова, урочище Перынь, названное по имени главнаго Новгородскаго божества Перуна, который здѣсь поставленъ былъ, въ 980-мъ году, Посадникомъ Добрынею (племянникомъ Велпкаго Князя Владиміра) и, чрезъ 8-мь лѣтъ послѣ того, имъ же низверженъ отсюда въ

(*) Варяги, составлявшіе отборную дружину Ярослава, ежедневно оскорбляли Новгородцевъ и цѣломудріе женъ ихъ. Обиженные граждане, не видя защиты отъ Князя, пристрастнаго къ симъ иноземцамъ, вышли наконецъ изъ терпѣнія и побили множество изъ нихъ въ Новгородѣ (на «*дворѣ Пирамоновомъ*»). Ярославъ, скрывъ свой гнѣвъ, удалился изъ города въ Ракому и, съ притворною ласкою позвавъ къ себѣ виновниковъ убійства, предалъ ихъ смерти.

Волховъ (*), при водвореніи Христіанства. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде идолъ, былъ основанъ около 995-го года Перынскій мужескій монастырь, отъ коего осталась теперь одна только церковь, обращенная съ 1764-го года въ приходскую.

Далѣе, при вершинѣ Волхова на живописномъ возвышенномъ мѣстѣ — на полуостровѣ, омываемомъ Волховомъ, озеромъ Мячкинскимъ и ручьемъ Княжевымъ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, расположенъ Юрьевъ монастырь, основанный въ 1030-мъ году и извѣстный своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ своихъ зданій. Онъ имѣетъ въ окружности 552 сажени. Въ соборной церкви, гдѣ мѣстные образа изукрашены серебряными вызолоченными ризами, осыпанными крупными брилліантами и другими драгоцѣнными каменьями, почиваютъ мощи Св. Архіепископа Ѳеоктиста, перенесенныя сюда изъ упраздненнаго Благовѣщенскаго монастыря. На правой сторонѣ церкви въ стѣнной аркѣ находится гробъ Великой Княгини Ѳеодосіи Мстиславовны, въ иночествѣ Евфросиніи — дочери Князя Мстислава Мстиславича (праправнука Мономаха), супруги Ярослава II-го и матери Св. Александра Невскаго и Св. Ѳеодора. Надъ Царскими дверями

(*) Идолъ былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами; одежда его искусно была вырѣзана изъ дерева. Онъ стоялъ на желѣзныхъ ногахъ и, изображая собою громовержца, держалъ въ рукѣ камень, который, для уподобленія молніи, былъ украшенъ рубинами и карбункулами.

воздвижешъ драгоцѣнный крестъ, пожалованный въ обитель Императоромъ Александромъ I-мъ; въ воспоминаніе этого дара и храмъ сей сооруженъ во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Надъ амвономъ спущено мѣдное паникадило въ 18-ть пудовъ — даръ Царя Михаила Ѳеодоровича. Въ ризницѣ замѣчательны: пелена, шитая шелкомъ, золотомъ и серебромъ, положенная, въ 1449-мъ году, Великою Княгинею Софіею, супругою Великаго Князя Новгородскаго Дмитрія Юрьевича Шемяки: «за оставленіе грѣ«ховъ и спасеніе душъ и дѣтей и внучатъ и прав«нучатъ въ семъ вѣцѣ и будущемъ»; ризы изъ богатѣйшей парчи съ оплечьями, осыпанными брилліантами, крупными алмазами и жемчугами; напрестольный крестъ 1599-го года; серебряное блюдо съ изображеніемъ Прометея, прикованнаго къ скалѣ, подаренное сыномъ Великаго Князя Мстислава Владиміровича Всеволодомъ, внукомъ Мономаха, для употребленія за братскою трапезою, и двѣ подлинныя граматы, изъ коихъ одна существуетъ болѣе 700-ть лѣтъ и дана Великимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ припискою сына его Новгородскаго Удѣльнаго Князя Всеволода на подареніе имъ блюда, описаннаго выше (*), а другая отъ Новгородскаго

(*) Вотъ текстъ ея: «Се азъ Мстиславъ Володимиръ сынъ держа руску землю въ свое княженіе повелѣлъ есмь сыну сво-

Архіепископа Іоны; ей около 400-тъ лѣтъ. Въ здѣшней обители погребены: Князья Новгородскій Ростиславъ Ярославичъ, Псковскій Изяславъ Ярославичъ и Великій Князь Новгородскій Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, изъ коихъ первый былъ сынъ

ему всеволоду отдати бунцѣ святому Георгіеви съ данію и съ вирами и съ продажами и веновотское даже который князь по моемъ княженіи почьнетъ хотѣти отьяти у святаго Георгія. а богъ буди за тѣмъ и святая богородица и тотъ святый георгій у него то отымаетъ. и ты игумене исаіе и вы братіе. донелѣже ся міръ стоитъ. молите бога за мя и за моѣ дѣти. кто ся изоостанетъ въ моностыри. то вы тѣмъ должни есте молити за вы бога и при животѣ и въ смерти. а язъ далъ рукою своею и осеннее полюдье даровное полтретьядесяте гривнъ святому же георгіеви. а се я всеволодъ далъ есмь блюдо серебрено. въ л гривенъ серебра святому же георгіеви велѣлъ есмь бити въ не на обѣдъ коли игуменъ обѣдаетъ. даже кто запретитъ или ту дань и се блюдо. да судитъ ему богъ въ день пришествія своего и тотъ святый Георгій».

Грамата эта, древнѣйшая изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ, написана на четвероугольномъ лоскуткѣ желтоватой бумагѣ, по линѣйкамъ, которыхъ 21 на: узкія поля ея означены прямыми линіями и обведены съ лѣвой стороны и сверху прямыми же линіями; а съ правой и съ низу ломанными. Заключающіяся въ ней слова: «ивеновотское» въ 5-й строкѣ и «далъ», коего окончательныя двѣ буквы перенесены изъ 15-й строки въ 16-ю, написаны, первое сверхъ строки, а послѣднее на поляхъ, вѣроятно, отъ того, что они были пропущены писцомъ. Чернила въ ней красныя. Кромѣ того замѣчательны: почеркъ ея, видъ буквъ, правописаніе, строчные и надстрочные при буквахъ знаки и помѣщенное въ концѣ текста золотобуквенное клеймо, котораго однакожъ нельзя разобрать, а должно думать, что оно означаетъ имя Мстислава, дателя граматы. Приложенныя къ ней двѣ печати изображаютъ: одна — сѣдящаго на престолѣ Господа, съ надписью: І С. Х., а другая — Св. Георгія, стоящаго на зміѣ и поражающаго его въ пасть копіемъ.

Ярослава Владиміровича, а вторый — Ярослава Изяславича, правнуковъ Мономаха.

Близъ монастыря, къ СЗ. отъ него, расположена живописная мыза Граф. О....; далѣе къ СЗ., при озерѣ Мячинѣ, въ 5-хъ верстахъ отъ города, существовали прежде монастыри: Аркажскій, построенный Св. Аркадіемъ, въ 1130-мъ году, и Благовѣщенскій, основаніе коего приписывается Архіепископу Іоанну и брату его Григорію, которымъ, по словамъ преданія, богато убранный конь, безъ всадника, привезъ два мѣшка съ золотомъ и съ серебромъ на сооруженіе тамъ церкви.

Далѣе идутъ урочища, находящіяся къ СЗ. отъ Новгорода. Изъ нихъ самое отдаленное есть Вязище, гдѣ на правомъ берегу рѣки Варяжи, въ 12-ти верстахъ отъ города, посреди болота и лѣса, возвышается Вяжицкій монастырь, основанный, въ 1411-мъ году, четырьмя монахами и распространенный Новгородскимъ Архіепископомъ Евѳиміемъ, пошедшимъ съ 15-ти лѣтъ въ иноки. Св. мощи его почиваютъ въ здѣшней двухъ-этажной соборной церкви. Ближе къ городу (въ 6-ти верстахъ отъ него), на лѣвомъ берегу рѣчки Стипинки, соединяющей Варяжу съ Волховомъ, стоитъ Сыркова обитель, построенная, въ 1548-мъ году, пождивеніемъ Новгородскаго Посадника Ѳ. Д. Сыркова, въ память избавленія своего отъ смерти, въ бытность его Дьякомъ при посольствѣ въ Колывани. Этотъ монастырь находится на предполагавшейся,

въ 1807-мъ году, линіи для прямой дороги изъ Царскаго села въ Новгородъ, для которой была сдѣлана и просѣка, направленная на Духовъ монастырь.

Отсюда перейдемъ на другую сторону Волхова къ окрестностямъ, лежащимъ къ ЮВ. отъ города, — гдѣ, недалеко отъ устья Малаго Волховца, въ 4-хъ верстахъ отъ Новгорода, находится Сковородскій монастырь, основанный, въ 1348-мъ году, Новгородскимъ Архіепископомъ Моисеемъ, коего Св. мощи здѣсь почиваютъ. Названіе свое монастырь получилъ, говорятъ, отъ того, что, при построеніи его, поденная плата работникамъ выдавалась со сковороды. Съ версту отсюда, ближе къ городу, почти возлѣ Сиверсова капала, между Волховомъ и Малымъ Волховцемъ, возвышается знаменитое урочище Городище, съ каменною церковью, построенною въ 1092-мъ году. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь прежде стоялъ Новгородъ, построенный Рюрикомъ (*). Невѣроятно однакожъ,

---

(*) Новгородъ, подобно Изборску, два раза былъ переносимъ съ мѣста на мѣсто: *первый* Новгородъ основанъ на западныхъ берегахъ Ильменя Славянами, обселившими это озеро: «Словене (а) сѣдоша около озера Ильменя, и содѣлаша городъ, и нарѣкоша Новгородъ». Но въ какомъ именно мѣстѣ и въ какое время онъ былъ построенъ, остается загадкою. Съ достовѣрностію можно сказать только то, что онъ заложенъ не ранѣе конца

(а) Русскіе Словене писались Словенами. Многіе производятъ имя ихъ отъ «слова», утверждая, что предки наши, не разумѣя языка иноплеменныхъ народовъ, называли ихъ Нѣмцами, т. е. нѣмыми, а себя Словесными, или Словенами. Другіе, напротивъ того, имя Славянъ, какъ народа воинственнаго и храбраго, производятъ отъ «славы». Въ Польшѣ и Венгріи Славяне назывались Словаками, а въ Богеміи — Словенами.

чтобъ на такомъ маломъ возвышеніи, имѣющемъ въ длину и ширину не болѣе 250-ти саж. и поимаемомъ вокругъ весеннею водою, могъ существовать городъ. Но какъ извѣстно, что здѣсь находился дворецъ Рюрика, то съ большею вѣрностію

1-го вѣка и не позже начала 6-го; ибо его, какъ видно изъ словъ Нестора, еще не существовало въ то время, когда Св. Апостолъ Андрей, проповѣдуя Евангеліе, доходилъ до Ильменя, «*идѣже нынѣ Новгородъ*», и нашелъ тамъ Славянъ, а въ половинѣ 6-го вѣка Новгородъ былъ уже извѣстенъ Готескому Историку Іорнанду (б). *Второй* Новгородъ, заложенный Рюрикомъ («и пришедъ Рюрикъ по Ильмени и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новгородъ»), находился, какъ уже сказано, на Городищѣ. Наконецъ *третій*, на нынѣшнемъ мѣстѣ, основанъ Ярославомъ 1-мъ и распространенъ внукомъ его Мстиславомъ («заложи Кн. Мстиславъ Владимировичъ Новгородъ Великій болѣ перваго»). — Названіе Новгорода изъясняютъ такимъ образомъ: на мѣстѣ перваго Новгорода при Ильменѣ существовалъ еще до Р. Х. (за 2.400 лѣтъ) городъ Славянскъ (в). *По одному вымыслу:* построилъ его Гостомыслъ (потомокъ племени Іафетова и предокъ Буривоя — побѣдителя Варяговъ, отца извѣстнаго Новгородскаго Старѣйшины Гостомысла), и назвалъ Словенскомъ, по имени старшаго сына своего Словена; а *по другому:* Словенскъ при Ильменѣ былъ основанъ Княземъ Словеномъ, родоначальникомъ Славянъ, который, прійдя къ озеру Мойску (Ильменю) (г) и открывъ чрезъ волхвованіе, что мѣсто сіе должно быть его отечествомъ, поселился тутъ съ своимъ племенемъ, при истокѣ рѣки Мутной (Волхова). Онъ происходилъ отъ Скиоа, правнука Іафета, сына Ноева (но былъ ли сынъ Гостомысла, предка Буривоя, неизвѣстно), и имѣлъ четырехъ братьевъ: Руса, Болгара, Комана и Истера, жившихъ съ нимъ на берегахъ Чернаго моря, изъ коихъ Русъ построилъ городъ Русу, назвавъ одну

(б) Вотъ слова Іорнанда: Словяне, начиная отъ города Новаго и Славяна-Рунускаго и отъ озера, именуемаго Мусійскаго (Ильменя), даже до Днѣстра и къ С. до Вислы обитаютъ.

(в) Не Словенскъ ли разумѣетъ Іорнандъ подъ именемъ Славяна-Рунускаго?

(г) Юговосточный рукавъ Ильменя, простирающійся къ Старой Русѣ, у всѣхъ поозерскихъ поселянъ, по нынѣ называется Мойскимъ.

можно предположить, что Рюрикъ, призванный княжить въ Новгородъ и знавшій безпокойный духъ Новгородцевъ, избралъ Городище, какъ мѣсто самою природою укрѣпленное, только для жительства своего и прибывшихъ съ нимъ Варягъ, дабы, въ случаѣ какого-либо мятежа, удобнѣе можно было возвратиться въ отечество свое, внизъ по Волхову на судахъ (*). Хотя Ярославъ I-й въ построенный имъ на теперешнемъ мѣстѣ Новгородъ перенесъ и дворецъ свой, однакожъ на Городищѣ оставался Княжескій дворъ до временъ Петра Ве-

---

изъ тамошнихъ рѣкъ Порусьею, другую — Полистою, въ честь жены и дочери. Не вѣрнѣе ли сказаніе, что этотъ Словенъ построилъ городъ Словенскъ въ землѣ Чудской и что, по смерти его, внукъ Гостомысла, предка Буривоя, Изборъ, переименовалъ сей городъ Изборскимъ. Въ послѣдствіи времени Словенскъ, отъ войнъ и моровыхъ повѣтрій, пришелъ въ запустѣніе, продолжавшееся 138-мь лѣтъ. Когда же потомъ Славяне возобновили его, то новый городъ, построенный ими на мѣстѣ стараго, а по мнѣнію нѣкоторыхъ — близъ него, сталъ называться, для отличія отъ стараго, Новымъ городомъ, или *Новгородомъ* (д), который наконецъ, по своей обширности, многолюдству, силѣ и богатству, получилъ названіе *Новгорода-Великаго*.

(*) Не поселился ли Рюрикъ на Городищѣ для того, чтобъ и самымъ мѣстомъ жительства своего, находящагося въ виду двухъ знаменитыхъ урочищъ: Перыни, гдѣ возвышался идолъ перунъ, и Волотова поля, гдѣ были погребены вельможи и Гостомыслъ, поддержать почтеніе къ себѣ въ Новгородцахъ, и чтобъ находящался предъ ихъ глазами могила Гостомысла безпрестанно напоминала имъ, что по совѣту этого любимѣйшаго ихъ Старѣйшины, былъ призванъ ими Рюрикъ на княженіе.

(д) Не въ отличіе ли отъ города Альтенбурга (что по-Нормански значитъ: Старый городъ), который Славяне, по свидѣтельству Гельмольда, историка XII-го вѣка, имѣли въ Вагріи (Вандаліи), или для отличія отъ Старой Ладоги, называвшейся также Альтенбургомъ?

ликаго; здѣсь, въ 1148-мъ году, Великій Князь Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, угощалъ народъ, выставивъ «300 берковецъ меду»; здѣсь жили оба Іоанны Васильевичи по нѣскольку недѣль и производили судъ надъ Новгородцами. При одномъ изъ нихъ, во время осады Новгорода, былъ наведенъ, 6-го Декабря 1477-го года, Архитекторомъ Аристотелемъ чрезъ Волховъ мостъ на судахъ, отъ Городищенскаго дворца къ Юрьеву монастырю; наконецъ при Петрѣ Великомъ Городище было пожаловано Князю Меншикову. Теперь осталось здѣсь лишь нѣсколько свай и камней отъ моста и едва замѣтные слѣды дворца и простиравшагося на полверсты сада. Къ С. отъ Городища, при выходѣ изъ Волхова рѣчки Жилотухи (Левошин), лежитъ урочище Лядка, гдѣ обыкновенно происходитъ ловля рыбы; а къ СВ., въ 3-хъ верстахъ отъ города, на островѣ Селезневѣ, образуемомъ разливами Малаго Волховца и Жилотухою, возвышается Кирилловъ монастырь; здѣсь въ южномъ придѣлѣ соборной церкви почиваютъ мощи Св. Арсенія Новгородскаго, перенесенныя изъ упраздненнаго на Торговой сторонѣ Арсеніевскаго монастыря, имъ основаннаго, гдѣ Преподобный, нося рубище и вериги, жилъ на берегу Волхова въ затворѣ; на семъ мѣстѣ стоитъ нынѣ часовня.

Далѣе продолжаются урочища, находящіяся къ СВ. отъ Новгорода. Отдаленнѣйшее изъ нихъ

есть Хутынь, въ 10-ти верстахъ отъ города, на крутомъ берегу, при устьѣ Малаго Волховца. Эта обитель, даровавшая многихъ Святителей Новгороду, основана, въ 1192-мъ году, Игуменомъ Варлаамомъ, сыномъ богатаго Новгородскаго гражданина, называвшимся до иночества Алексою Михайловичемъ. Св. мощи его почиваютъ въ соборной церкви, въ богатой серебряной, вызолоченной гробницѣ. Хранящійся подлѣ нея жезлъ Грознаго (*), и опаленныя церковныя двери свидѣтельствуютъ о бывшемъ здѣсь чудесномъ происшествіи: когда во дни своихъ казней, въ 1562-мъ году, Іоаннъ IV-й дерзнулъ было вскрыть гробницу Святаго Игумена, то изъ нея выступили дымъ и пламя; отъ дыма закоптѣли стѣны, а пламя, опаливъ двери, устремилось на Іоанна, испуганный Іоаннъ бѣжалъ, забывъ тамъ и грозный жезлъ свой. О другомъ чудѣ, случившемся здѣсь нѣкогда въ первую пятницу послѣ недѣли Всѣхъ Святыхъ, т. е. на первой недѣлѣ Петрова поста, напоминаетъ совершаемый ежегодно въ сей день крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ здѣшній монастырь: оно состояло въ слѣдующемъ: Новгородскій Архіепископъ Григорій, питая къ Варлааму особенное уваженіе и часто съ нимъ бесѣдуя, однажды приглашалъ его опять къ себѣ; Варлаамъ отвѣчалъ, что онъ, если Богъ благословитъ, пріѣдетъ къ его

(*) Этотъ жезлъ длиною $1^1/_2$ аршина, толщиною $1^1/_2$ вершка. На немъ хрустальный набалдашникъ.

Преосвященству на первой недѣлѣ Петрова поста, въ пятницу, на саняхъ — и, дѣйствительно, въ ночь на тотъ день, выпалъ снѣгъ на $1^1/_2$ аршина, при жестокомъ морозѣ, и Игуменъ пріѣхалъ къ Владыкѣ на саняхъ. Народъ, видя такой снѣгъ среди лѣта, пришелъ-было въ уныніе, опасаясь истребленія жатвы; но Варлаамъ, успокоивая его, предсказалъ урожай, который и сбылся: снѣгъ погубилъ лишъ червей, во множествѣ напавшихъ на растенія. Въ монастырской ризницѣ примѣчательны: огромное Евангеліе въ чеканной серебряной оправѣ, вѣсящее 2 пуда 5 фунтовъ, и напрестольный крестъ, украшенный жемчугами и драгоцѣнными каменьями, сдѣланные въ 1752-мъ году; водосвятная чаша, подаренная Княземъ Иваномъ Шуйскимъ, 1637-го года; сосуды — даръ Императрицы Анны Іоанновны, 1739-го года; ризы (*), жесткая власяница, вѣсомъ въ 18-ть фунт., и желѣзныя, въ 8-мь фунтовъ, вериги Преподобнаго Варлаама, и подлинная его грамата, писанная полууставомъ на пергаменѣ, длиною въ $5^1/_2$ вершковъ, а шириною въ $1^3/_4$ вершка. Служебникъ же, также на пергаменѣ, присланный Варлааму изъ Константинополя отъ Патріарха Никифора, находится нынѣ въ Московской Синодальной ризницѣ. Въ придѣлѣ соборной церкви похороненъ знаменитый поэтъ Державинъ; а въ саду, на высокомъ холмѣ,

(*) Онѣ сшиты изъ мухояра кофейнаго цвѣта, съ атласными вишневаго цвѣта оплечьями.

сохранилась еще келлія Варлаама, въ коей бесѣдовалъ о немъ Великій Князь Василій Васильевичъ Темный. Обитель эту, 1-го Сентября 1656-го года, посѣтили пріѣзжавшіе въ Новгородъ Патріархи Макарій Антіохійскій и Гавріилъ Сербскій и Болгарскій, и, изъ уваженія къ ней, надѣли на Архимандрита ея Евѳимія клобукъ и шапку Аѳонской горы, благословивъ носить оные и преемниковъ его. Кромѣ того, въ историческомъ отношеніи замѣчательно это мѣсто тѣмъ, что здѣсь, въ 1611-мъ году, находилась главная квартира Шведскаго Военноначальника Делагарди.

Недалеко отсюда возвышаются два насыпные изъ песка и щебня холма, изъ коихъ одинъ, ниже устья Волховца, называется Холопьимъ городкомъ. Близъ него, на лѣвой сторонѣ Волховца, находится Лисья гора, гдѣ былъ прежде Лисицкій монастырь, основанный въ 1394-мъ году. Вверхъ по Волхову, на правомъ его берегу, въ 5-хъ верстахъ отъ Новгорода, стоитъ Деревяницкій монастырь; а у самаго почти города, на правомъ же берегу Волхова, открывается Антоніева обитель. Основатель ея, Св. Антоній, былъ Римлянинъ, воспитанный въ православіи, въ Римѣ. По смерти родителей своихъ, будучи еще 18-ти лѣтъ, онъ роздалъ все имѣніе нищимъ, а самъ постригся въ монахи, 20-ть лѣтъ провелъ въ пустынѣ, потомъ цѣлый годъ жилъ на приморскомъ камнѣ, на которомъ, по влеченію тайной силы, приплылъ наконецъ, 8-го Сентября

1106-го года, въ Новгородъ, къ тому самому мѣсту, гдѣ нынѣ возвышается монастырь, для коего купилъ онъ у Посадничьихъ дѣтей землю за 100 Новгородскихъ рублей. Предъ отплытіемъ своимъ изъ Рима, Антоній, заключивъ въ делву (бочку) церковныя утвари, пустилъ ее въ море; по прибытіи его въ Новгородъ, рыбаки, имъ нанятые, закинувъ сѣти, вытащили ее изъ Волхова. Соборная церковь, построенная Преподобнымъ Антоніемъ, во имя Рождества Богородицы, въ память дня прибытія его въ Новгородъ, украшена большимъ куполомъ по срединѣ и двумя башеньками на углахъ западной стѣны. Она состоитъ изъ главнаго храма, 3-хъ придѣловъ и западной паперти. Въ южномъ придѣлѣ, въ кипарисной гробницѣ, окованной серебромъ и утвержденной на мраморномъ помостѣ, почиваютъ Св. мощи основателя обители. На ней въ 7-ми кружкахъ описано: его рожденіе, труженическая жизнь, чудесное прибытіе, двѣ охранныя граматы и молитва. При гробницѣ, у возглавія, хранятся за стекломъ: камень, на коемъ Преподобный приплылъ изъ Рима, и вѣтвь морской травы (осоки), которую онъ, плывя, держалъ въ рукѣ; а съ противоположной стороны висятъ на стѣнѣ вериги его и нѣкоторыя изъ вещей, пущенныхъ имъ въ бочкѣ изъ Рима, какъ то: 6-ть мѣдныхъ иконъ, покрытыхъ финифтью, Евангеліе, и надъ ними мозаическій шести-конечный крестъ; также мѣдное паникадильце и колоколъ, вѣсомъ въ

одинъ пудъ, 10-ть фунтовъ, литый 1084-го года. Въ сѣверномъ придѣлѣ почіютъ 5-ть братьевъ тѣхъ двухъ Алфановыхъ, коихъ Св. мощи, какъ выше было сказано, находятся въ часовнѣ при церкви Св. Ипатія, Святые: Климентъ, Кириллъ, Никифоръ, Нифонтъ и Исаакій, бывшіе посадниками Новгородскими. Третій придѣлъ, круглый, помѣщенъ въ сѣверозападной башенкѣ, при входѣ въ которую существуетъ еще келлія, гдѣ Антоній уединялся для молитвы. На паперти погребены Амвросій Юшкевичъ, Архіепископъ Новгородскій и многія изъ знатнѣйшихъ Духовныхъ особъ и гражданъ Новгородскихъ. По правую сторону главнаго алтаря, въ особой палатѣ, помѣщена богатая ризница, гдѣ замѣчательны: образа Преподобнаго Антонія и Николая Чудотворца съ миніатюрными изображеніями, весьма старинной работы; образъ Благовѣщенія, также древнѣйшаго письма и такъ-называемый Деисусъ (*), съ надписью кру-

---

(*) Подъ этимъ именемъ разумѣется икона, на которой написаны въ срединѣ Спаситель, а по сторонамъ Богородица и Іоаннъ Предтеча. Въ старину же Деисусомъ называлось собраніе иконъ, поставленныхъ надъ мѣстными образами въ одинъ или нѣсколько рядовъ. Когда рѣзное искусство не было еще усовершенствовано, то иконы, составлющія Деисусъ, помѣщались просто на тяблахъ, которыя, смотря по вышинѣ церкви и по количеству иконъ, были въ нѣсколько рядовъ. Такъ наприм. изъ писцовыхъ книгъ города Галича 1632-го года видно, что въ тамошней церкви Царя Константина было 3 тябла: на первомъ Деисусѣ имѣлось 36-ть образовъ, на другомъ 20-ть Праздниковъ, на третьемъ 8-мь образовъ Пророковъ. Каждое тябло, состояло изъ доски, боль-

гомъ: «лѣта 7109 (1601-го) Марта въ 3-й день сдѣла-«на быша табля сія во храмъ Пречистыя Богоро-«дицы, честнаго и славнаго ея Рождества, Анто-«ніевскаго монастыря, при Благовѣрномъ и Хри-«столюбивомъ Царѣ и Государѣ и Великомъ Кня-«зѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ и всея Руссіи Самодерж-«цѣ»; три Евангелія, писанныя на пергаменѣ въ 14-мъ и 15-мъ вѣкахъ; водосвятная серебряная чаша въ 15-ть фунтовъ, вкладъ Князя Ивана Шуйскаго, 1631-го года; покровъ на гробницу Преподобнаго, вышитый золотомъ, серебромъ и низаный жемчугомъ; множество богатѣйшихъ ризъ, изъ коихъ на оплечьѣ одиѣхъ вышито золотомъ, серебромъ, шелкомъ и жемчугомъ 20-ть разныхъ лицъ Святыхъ; двѣ крещатыя ризы (шелковыя, бѣлыя), орарь, шитый золотомъ, и 7-мь панагій въ серебряной, позолоченой оправѣ, принлывшихъ изъ Рима съ прочими утварями, въ числѣ коихъ были: церковные сосуды сердоликовые, яшмовые и хрустальные, украшенные золотомъ, алмазами и яхонтами. Они были потомъ взяты Іоанномъ Грознымъ, при разореніи имъ Новгорода, въ Москву и хранятся нынѣ въ тамошнемъ Благовѣщенскомъ соборѣ. На колокольнѣ примѣчателенъ колоколъ во 165-ть пудовъ, вылитый, по повелѣнію Царя Іоанна Васильевича, въ 1575-мъ году. Восточная, сѣверная

шею частію просто обдѣланной, и утвержденной въ полуденную и сѣверную стѣны церкви. Помѣщавшіяся на тяблахъ иконы, даже мѣстныя, были просто къ нимъ прислонены.

и сѣверозападная стороны монастыря заняты зданіемъ Семинаріи, учрежденной въ 1720-мъ году. Библіотека ея, заведенная съ 1740-го года, состоитъ теперь изъ 8.000 Богословскихъ книгъ, на страницахъ которыхъ сохранились своеручныя замѣчанія Ѳеофана Прокоповича и Дмитрія Сѣченова. Отъ сѣвера обитель осѣняется густою рощею; ее насадилъ изъ березъ и липъ, въ 1750-мъ году, Архимандритъ Андроникъ.

Остаются два урочища: знаменитое Волотово поле и Вишерскій монастырь; но они лежатъ въ виду Московской дороги, а потому завернемъ туда уже по пути изъ Новгорода къ станціи Бронницамъ.

Московская застава находится за Федоровскимъ ручьемъ. За нею расположена Никольская ямская слобода, гдѣ, при поворотѣ къ Хутыни, стоитъ часовня, которая, какъ-бы отъ всей Святыни Новгородской, напутствуетъ Васъ въ дорогу прекрасною своею надписью: «Благословенъ грядый во «имя Господне. Благословихомъ вы изъ дому Го«сподня».

На 4-й верстѣ отъ заставы, Московское шоссе пересѣкается Малымъ Волховцемъ, рукавомъ Волхова, текущимъ 15-ть верстъ. Отдѣлясь отъ послѣдняго у Хутыни, онъ течетъ по низменнымъ лугамъ, принимая въ себя, по лѣвую сторону большой дороги, рѣку Вишеру, а по правую, соединясь съ рѣкою Левошнею, прежнею Жилотухою, сли-

вается опять съ Волховомъ, близъ Юрьевскаго монастыря.

Названія этой сѣти водъ напоминаютъ слѣдующую древнюю сказку: на берегахъ рѣки Мутной (Волхова) жили два брата Волховъ и Волховецъ — сыновья Князя Словена, основавшаго городъ Словенскъ (нынѣшній Новгородъ) и назвавшаго рѣку Шелонь и озеро Ильмеръ (Ильмень) по именамъ сестеръ своихъ Шелоны и Ильмеры. Старшій сынъ его, Волховъ, лютый чародѣй, поселившійся на мѣстѣ, называемомъ нынѣ Перынью, занимался разбоемъ и колдовствомъ и, превращаясь въ морское чудо, скрывался въ рѣкѣ Мутной, подъ видомъ крокодила, топилъ и пожиралъ людей, которые не соглашались обожать его на равнѣ съ Перуномъ, и наконецъ былъ удавленъ бѣсами. Язычники, поклонявшіеся Волхову, похоронили его въ Перынѣ, насыпавъ надъ его могилою высокій холмъ, который однакожъ провалился, чрезъ 3 дня, въ адъ, оставивъ на мѣстѣ своемъ оврагъ, существующій и донынѣ. Съ тѣхъ поръ рѣка Мутная получила названіе Волхова; и одинъ изъ рукавовъ ея названъ Волховцемъ, по имени меньшаго сына Словена, а другой — Жилотухою, въ память сына Волховцева, утонувшаго тутъ младенцемъ.

Скорость теченія въ Маломъ Волховцѣ, при среднихъ водахъ, составляетъ $8^2/_8$ дюйма въ 1 секунду или 6-ть саж. въ 1 минуту, а при низкихъ уменьшается до $6^1/_8$ дюйма въ 1 секунду. Самая высо-

кая вода была въ 1807-мъ году, а самая низкая, при коей глубина рѣки равнялась 10-ти футамъ, въ 1827-мъ году; разность горизонтовъ этихъ водъ составляетъ 22 фута. Берега рѣки весьма отлоги и весенній разливъ простирается на нѣсколько верстъ въ ширину, потопляя всѣ сосѣдственные луга, такъ что тогда вся эта рѣчная сѣть представляетъ одинъ огромный водяной бассейнъ. Эту картину половодья видѣлъ я, въ проѣздъ мой чрезъ Новгородъ, въ половинѣ Апрѣля 1834-го года: вода уже сбывала; кусты, давно залитые, начинали проглядывать и берега рѣкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ означали ихъ направленіе; но еще огромная площадь отъ Новгорода до Городища, Кунина и Волотова, была покрыта водою; Малый Волховецъ, Жилотуха, Вишера и Федоровскій ручей казались однимъ бассейномъ.

Такой чрезвычайный разливъ весеннихъ водъ, ежегодно продолжающійся нѣсколько недѣль, давно требовалъ сооруженія на Московскомъ шоссе чрезъ Волховецъ моста значительной длины. Наконецъ 7-го Января 1824-го года было приступлено къ построенію этого моста, который совершенъ въ теченіи одного года и трехъ мѣсяцевъ. Честь сооруженія его принадлежитъ Генералу Бетанкуру. Онъ стоилъ 150.000 рублей ассигн.

Маловолховецкій мостъ, по важности своей, величинѣ и препятствіямъ, встрѣченнымъ при устроеніи его, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Дли-

на его болѣе 100 саженъ, ширина — $6^1/_2$, а возвышеніе надъ горизонтомъ обыкновенныхъ водъ— 35-ть футовъ. Онъ состоитъ изъ двухъ каменныхъ береговыхъ укрѣпленій и 10-ти среднихъ устоевъ съ 11-ю отверстіями. Береговыя укрѣпленія построены изъ плиты, обложены тесанымъ камнемъ и основаны на сваяхъ и ростверкѣ; вышина ихъ съ карнизомъ 3 саж., 4 фута, $10^1/_2$ дюймовъ. Средніе устои составлены каждый изъ 3-хъ рядовъ скрѣпленныхъ между собою свай. Впереди и позади каждаго устоя, для предохраненія моста отъ поперечнаго движенія, которое можетъ быть причинено значительною длиною моста, набиты сваи, скрѣпленныя откосными связями, служащими для него упорами. Предъ каждымъ устоемъ, для разломки льда, который, по вскрытіи Ильменя, плыветъ въ большихъ толщахъ, построены лѣдорѣзы, состоящіе изъ свай, связанныхъ горизонтально съ откосными брусьями, обитыми листовымъ желѣзомъ. Крайнія арки (1-я и 11-я) имѣютъ отверстія въ поперечникѣ въ 5-ть саженъ; 2-я и 10-я въ 6-ть; 3-я и 9-я въ 7-мь; 4-я и 8-я въ 8-мь, 5-я и 7-я въ 9-ть, а 6-я, или средняя — въ 10-ть. Высота моста, отъ верхняго пола надъ среднею аркою до дна рѣки, 5-ть саженъ и 6-ть футовъ. Въ каждомъ отверстіи, или приходѣ, положено 8-мь рядовъ связанныхъ арками брусьевъ, которые упираются, въ устояхъ, въ чугунные ящики, прикрѣпленные связями и болтами къ сваямъ,

составляющимъ устои, а въ береговыхъ укрѣпленіяхъ — въ особыя вырубки, или гнѣзда, сдѣланныя въ гранитѣ. Для предохраненія моста отъ гнилости, два боковые ряда связанныхъ брусьевъ, по всему его протяженію, окрашены масляною краскою, а остальные 6-ть, какъ и самые сваи, лѣдорѣзы, упоры и прочія деревянныя части, осмолены. Бока же его обведены чугунными рѣшетками.

Отсюда взглянулъ я на Новгородъ: онъ представился мнѣ весь, какъ на блюдечкѣ; за нимъ сіяло вечернее солнце. Влѣво, у заставы, въ полуверстѣ отъ городскаго вала, на такъ-называемомъ Красномъ полѣ, разбросано Рождественское кладбище и стоятъ двѣ полуразвалившіяся церкви (Преображенская и Тихвинская), построенныя фамиліею Долгорукихъ, надъ могилами Князей: Василія Лукича и его двоюроднаго племянника Ивана Алексѣевича Долгорукихъ, пріявшихъ, въ 1739-мъ году, мученическій конецъ въ Новгородѣ отъ мести Бирона. Прежде здѣсь находился Христорождественскій монастырь, основанный въ 1162-мъ году; издревле существовало при немъ общее городское кладбище, отъ чего онъ и назывался монастыремъ на скудельницѣ. Въ сосѣдствѣ съ нимъ, на холмѣ Молотковѣ, тамъ, гдѣ нынче видна опустѣлая церковь, стоялъ Михаилицкій монастырь, построенный, въ 1199-мъ году, супругою Ярослава Владиміровича (внука Мстислава Вели-

каго), Княгинею Еленою, по случаю явленія тутъ иконы Преподобнаго Михаила Малеина. Еще лѣвѣе, видѣются деревня Шолохова и, на холмѣ, погостъ Ковалево, а вдали мелькаютъ обители Кирилловская и Сковородская, Городище Рюрика и, бѣлѣе свѣжаго снѣга, Юрьевъ монастырь; въ правой сторонѣ, близъ дороги, видны деревня Ивановская и село Ущерска съ низкою церковью; далѣе, церковь Волотовская, а за нею на горизонтѣ бѣлѣется Хутынь.

Съ версту отъ Маловолховецкаго моста, въ лѣвую сторону, на СВ. отъ города, лежитъ при Волховцѣ Волотово (Богатырское) (*) поле, гдѣ погребались вельможи и богатыри Новгородскіе. Здѣсь въ слободѣ, близъ древней церкви упраздненнаго Волотова монастыря, построенной, въ 1352-мъ году, Архіепископомъ Моисеемъ, возвышается курганъ. Преданіе говоритъ, что это могила Гостомысла (сына Буривоя) (**), насыпан-

(*) Въ одной Новгородской сказкѣ встрѣчается слово: Волоты, въ смыслѣ исполиновъ и гигантовъ. Есть преданіе, что, въ древности, около нынѣшней Вологды, жилъ исполинскій народъ, называвшійся Волотами. Старинныя великія могилы около Витебска и Полоцка извѣстны у тамошнихъ поселянъ подъ именемъ волотоуховъ.

(**) Средняя дочь его, Умила, жена Князя Діопа, была будтобы мать Рюрика, который, по совѣту умирающаго Гостомысла, какъ внукъ его, и былъ призванъ Новгородцами на княженіе (а). Причиною призванія былъ сонъ Гостомысла; ему видѣлось, что изъ чрева дочери его Умилы произрастало огромное плодоносное

(а) Другіе два брата, вмѣстѣ съ нимъ призванные, прибыли: Синеусъ — на Бѣлоозеро, Труворъ — въ Изборскъ.

пая руками Новгородцевъ, которые, по любви къ этому своему старѣйшинѣ, принесли на могилу его отъ каждаго дома по горсти земли и такимъ образомъ составили курганъ, вышиною 4-ре аршина, а въ окружности: 24-ре при основаніи и 6-ть при вершинѣ, на коей, какъ-бы въ потухшей сопкѣ, видно углубленіе. Могила эта была раскопана, въ Мартѣ 1821-го года, извѣстнымъ ученымъ З. Я. Долугою-Ходаковскимъ, и въ ней найдены челюсти: двѣ лошадиныя, двѣ собачьи и двѣ неизвѣстнаго звѣрка, птичья голова, нѣсколько паръ птичьихъ ногъ, часть широкаго ребра и сосновые уголья. Все это лежало въ разныхъ мѣстахъ кур-

---

дерево, покрывавшее вѣтвями своими какой-то обширный городъ и плодами насыщавшее людей всей земли. Сонъ, по истолкованію, значилъ, что одинъ изъ внуковъ Гостомысла, сынъ средней дочери Умилы, будетъ его преемникомъ. Предвѣщаніе это обрадовало Новгородцевъ: «зане сынъ старшей дочери негожъ бѣ». Сего послѣдняго считаютъ за того Вадима, который, за возмущеніе Новгородцевъ противъ Рюрика, былъ казненъ. Поводомъ къ возмущенію было то, что Вадимъ, какъ сынъ старшей дочери Гостомысла, былъ недоволенъ избраніемъ на княженіе — сына средней, а Новгородцы тѣмъ, что прибывшіе съ Рюрикомъ Варяги притѣсняли ихъ. Не рѣшено: чѣмъ былъ Гостомыслъ въ Новгородѣ — Старѣйшиною, первымъ Посадникомъ, или владѣтельнымъ Княземъ? Онъ славился мудростію, правосудіемъ и храбростію; изъ далекихъ странъ приходили къ нему за совѣтомъ. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей. Когда сыновья его умерли безвѣстно, онъ, для вопрошенія боговъ о будущихъ своихъ наслѣдникахъ, ходилъ сперва самъ къ Холмогардскому (а), потомъ посылалъ къ Зимегольскому оракуламъ; оба они обѣщали ему потомство.

(а) Холмогардъ находился будто-бы тамъ, гдѣ нынче лежитъ Бронницы, отстоящіе отъ Новгорода въ 25 верстахъ, и мѣстомъ прорицалища была Бронницкая (иначе: Ивановская) гора, возвышающаяся на югозападной сторонѣ Бронницъ.

гана, насыпаннаго на ровной поверхности, что́ доказываетъ находившійся подъ нимъ слой чернозема, точно такой же толщины (вершка въ два), какъ и вокругъ кургана. Далѣе къ В., есть еще два искуственные холма, вѣроятно, могильные же; они однакожъ выше кургана Гостомыслова.

Въ 7-ми верстахъ отъ Новгорода находится поворотъ отъ шоссе къ Вишерскому монастырю, до котораго оттуда не болѣе полуверсты. Обитель эта основана пустынножителемъ Саввою (въ 1417-мъ году, а по другимъ свѣдѣніямъ, около 1385-го года), на лѣвомъ берегу Вишеры, на урочищѣ, называвшемся Кончанскимъ, которое строитель выпросилъ для сего у Старшинъ Славянскаго конца. Преподобный Савва былъ уроженецъ Кашинскій (нынѣшней Тверской губерніи), сынъ Боярина Бороздыі, родоначальника фамиліи Бороздиныхъ. — Основавъ обитель, онъ устроилъ для себя въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи столпъ, на которомъ пребывалъ въ молитвѣ и постѣ, сходя съ него въ монастырь къ братіи только по субботамъ и воскресеньямъ, для вкушенія съ нею трапезы. Св. мощи его покоятся въ здѣшней соборной церкви.

На поворотѣ стоитъ каменная часовня, а противъ нея подъ навѣсомъ, устроеннымъ на 4-хъ высокихъ гранитныхъ столбахъ, находится колодезь. Преданіе говоритъ, что здѣсь нѣкогда оканчивался Новгородъ-Великій, который другими своими предмѣстіями касался монастырей: Хутынскаго, Вяжищ-

каго, Сыркова и Юрьева. Теперь отъ такихъ огромныхъ размѣровъ древняго города осталось занятое имъ небольшое пространство, около 2-хъ верстъ въ поперечникѣ, окруженное валомъ.

При первомъ взглядѣ на равнину Новгородскую, замѣтно, что Софійская сторона возвышеннѣе всѣхъ окрестностей, которыя состоятъ изъ низменностей и незначительныхъ холмовъ, омываемыхъ рукавами Волхова. На высотахъ этой равнины стоятъ монастыри, слободы, тамъ и сямъ среди полей видны осиротѣлыя церкви и разбросаны колодцы, какъбы указывающіе слѣды древняго Новгорода и прежнее его очертаніе. — Эти слѣды, еще не совсѣмъ изглаженные временемъ, тянутся отъ Юрьева монастыря и Городища до самой Хутыни, по обѣимъ сторонамъ Волхова. Вотъ промѣры разстояній праваго берега: отъ Городища до бывшаго монастыря Перетицы одна верста; далѣе, до бывшаго монастыря Ситецка $2^1/_2$, до Кунина 4, до Ожогова 3, до Шолохова 3, до бывшаго монастыря Ковалева 3, до Волотова 4, до Лисья, или до бывшаго Лисицкаго монастыря 5, до Хутыни 3. Кромѣ сихъ живыхъ урочищъ, и самая поверхная земля, на черноземныхъ возвышеніяхъ которой, остающихся обыкновенно послѣ селеній, ясно замѣтны слѣды жилья, убѣждаетъ, что все это 28-ми верстное пространство было занято строеніемъ, которое однакожъ, судя по весеннему разливу Волховскихъ водъ, не могло быть сплошнымъ, а должно было находиться лишъ на возвышеніяхъ. Въ

особенности же за Антоніевымъ монастыремъ, правильно стелющіеся по полю къ Деревяницкому и Хутынскому монастырямъ напосные бугры, въ коихъ находили каменья, плиту и кирпичъ, равно и берега рѣчки Донца, которая, принимая въ себя три ручья, извивается по этому полю и впадаетъ, близъ деревеньки Сельца, въ Волховъ, убѣждаютъ въ древнемъ существованіи на нихъ поселенія.

Одно лишъ невѣроятно, чтобъ Новгородъ могъ простираться такъ далеко къ СЗ., именно до Сыркова и Вяжицкаго монастырей, потому что за нынѣшнею Софійскою сторо̀ною, въ 4-хъ верстахъ отъ города, начинается дремучій болотистый лѣсъ, который по Псковской дорогѣ идетъ на 35-ть верстъ, оканчиваясь версты за 4-ре до деревни Менюшъ. Поэтому, хотя съ одной стороны можно допустить, что древній Новгородъ имѣлъ къ СЗ. самое малое протяженіе, между тѣмъ какъ по прочимъ направленіямъ, особенно отъ ЮЗ. къ СВ., былъ чрезвычайно растянутъ; но съ другой, также представляется правдоподобнымъ, что лѣсъ, простирающійся нынѣ къ Вязищамъ, легко могъ, въ теченіи двухъ вѣковъ, вырости на запустѣлыхъ частяхъ города и образовать болота: ибо дерево въ 50-ть лѣтъ достигаетъ уже полнаго роста, а отъ прегражденія лѣсною чащею пути солнечнымъ лучамъ, почва дѣлается наконецъ неспособною вбирать въ себя дождевую и снѣговую воду и становится мало по малу болотистою.

Еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ объ обширности древняго Новгорода прежнее его народонаселеніе: въ цвѣтущемъ своемъ періодѣ, т. е. около половины 15-го столѣтія, онъ имѣлъ болѣе 400.000 жителей и могъ выставить до 100.000 войска. Въ такомъ многолюдствѣ убѣждаютъ и сами лѣтописи, по коимъ отъ однихъ моровыхъ язвъ, въ 1467, 1508 и 1533-мъ годахъ, умерло въ Новгородѣ болѣе 134.000 человѣкъ; во время пожаровъ погибло въ 1508-мъ году 3.315-ть человѣкъ и сгорѣло въ 1554-мъ въ одномъ концѣ города 1.500 дворовъ; наконецъ въ 1487 и 1489-мъ годахъ, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III-мъ, выселено изъ него въ разныя мѣста 1.050-ть знатнѣйшихъ боярскихъ и купеческихъ семействъ, не говоря уже о тѣхъ многихъ тысячахъ избіенныхъ гражданъ, которыя въ поминаньяхъ Бѣлоозерской обители показаны глухо въ числѣ «двухъ темъ». Тоже доказываетъ и богатство гражданъ сего города въ древнія времена: припомнимъ, что когда Дмитрій Донской выступилъ противъ Мамая, то къ нему присоединилось, подъ Коломнею, 40.000 Новгородскаго войска, отличавшагося не только изяществомъ людей и превосходнымъ порядкомъ, но и красотою коней и одеждою, блиставшею серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями; замѣтимъ еще, что въ 1428-мъ году Новгородцы заплатили Князю Литовскому Витовту, за снятіе осады, 10.000 Новгородскихъ рублей, да Епископъ Василій 3.000, за освобожденіе плѣнныхъ; въ 1456-мъ году одному толь-

ко Великому Князю Василью Васильевичу Темному, «опричъ Братій и Болръ его», дано 10.000 гривенъ Новгородскихъ серебряныхъ; въ 1480-мъ году Великій Князь Іоаннъ Васильевичь вывезъ изъ Новгорода въ Москву 300 возовъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, а въ 1494-мъ у 49-ти Ганзейскихъ купцовъ, въ Новгородѣ, отобралъ товаровъ на 300.000 гульденовъ; наконецъ, въ 1569-мъ году, Царь Іоаннъ Васильевичъ собралъ несмѣтное количество серебра и золота въ Новгородскихъ церквахъ и купеческихъ домахъ, въ томъ числѣ у одного только купца Ѳеодора Сыркова, который собственнымъ иждивеніемъ построилъ 12-ть монастырей и снабдилъ ихъ доходами, выпудилъ 30.000 талеровъ. Прибавимъ, что Новгородъ находился въ союзѣ съ Ганзейскими городами и въ продолженіи 3-хъ столѣтій (12-го, 13-го и 14-го) оставался важнѣйшимъ торговымъ городомъ сѣверовосточныхъ странъ Европы (*); что онъ даже и тогда, когда Россія была отдѣлена

(*) Торговые его пути были: 1) чрезъ Неву и Ладожское озеро, вверхъ по Волхову; 2) По Наровѣ, отъ Нарвы, съ перегрузкою въ сухопутные обозы, и 3) по Двинѣ, чрезъ Лифляндію и Псковъ. Въ Грецію извѣстны Новгородцамъ были два пути одинъ по Днѣпру, другой по Волхову и Ладожскому озеру, чрезъ Балтійское море, вокругъ всей Европы; чрезъ построенный же ими, при рѣкѣ Мологѣ (близъ Углича), Холопій-городокъ, вели торговлю съ Азіею. Для защищенія водянаго пути отъ Шведовъ, на берегу Финскаго залива Новгородцы построили крѣпость Иванъ-Городъ и Копорье, на Невѣ — Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), а на Ладожскомъ озерѣ — Новую Ладогу, и разорили Шведскія крѣпости Корелу (Кексгольмъ) и Ланкрону, при Невѣ, гдѣ нынѣ Охта, какъ препятствія судоходству.

отъ Европы полудикою Литвою, терзаема междоусобіями и наконецъ порабощена Татарами, не только сохранилъ политическое свое бытіе, но и распространилъ свои границы до того, что пятины его (*) заключали въ себѣ почти третью часть Европейской Россіи.

Послѣ всего этого, нельзя смѣло называть баснословнымъ преданія о холмѣ Гостомысловомъ, насыпанномъ горстями на Волотовомъ полѣ. Каковымъ же должно предположить пространство, на которомъ помѣщалось столько дворовъ, что по одной горсти земли съ каждаго составило высокій холмъ! — Недаромъ говорили: «кто противъ Бога и Великаго-Новгорода.»

(*) Къ древнимъ 5-ти концамъ Новгорода принадлежали 5-ть уѣздовъ, которые, по числу 5-ти, и назывались пятинами. Онѣ были: Бѣжецкая, раздѣлявшаяся на Бѣлоозерскую и Тверскую; Обонежская на Онежскую и Нагорную; Вотская (а) на Корельскую и Полугскую; Шелонская на Зарусскую и Залѣсскую, и Деревская на Григорьеву, Морозову, Жигареву и Рябчикову. Первая пятина простиралась отъ Славянскаго конца, чрезъ восточную сторону Ильменя, съ одного края до Устюжны, Бѣлозерска, Вологды и до Уральскаго хребта, а съ другаго—до Боровичъ и Бѣжецка; вторая шла отъ Плотенскаго конца къ В., до озера Онежскаго, Каргополя, Сѣв. Двины и Бѣлаго моря; третья, начинаясь отъ Неровскаго конца, заключала въ себѣ всю Ингерманландію и Карелію, до границъ Лифляндіи и Эстляндіи; четвертая шла отъ Загородскаго конца, по рѣкѣ Шелонѣ, до нынѣшняго Псковскаго уѣзда и до города Холма; а пятая отъ Гончарскаго конца, по западному берегу Ильменя и по рѣкѣ Ловати, мимо Старой Русы, до Валдая и до бывшаго Тверскаго Княжества.

(а) Вотская пятина названа по имени народа Вотовъ, жившихъ на берегахъ Ижоры и Невы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Новгородскій Кремль, въ древнемъ и нынѣшнемъ видахъ. — Софійскій соборъ. — Корсунскія и Шведскія врата. — Древнія и новыя строенія Архіерейскаго дома, съ осмиугольною башнею. — Епископская Грановитая палата. — Соборная колокольня. — Колокола Шатунъ и Казенный. — Памятникъ Новгородскому ополченію 1812 года. — Рѣка Волховъ. — Раздѣленіе Новгорода на двѣ стороны. — Стѣна съ башнями, окружавшая въ древности городъ. — Концы и Заполья. — Великій мостъ, свидѣтель кровавыхъ сценъ. — Часовня Животворящаго Креста. — Нынѣшній Волховскій мостъ и замѣчательный способъ сооруженія его. — Древній деревянный соборъ о 13-ти верхахъ. — Дворецъ Ярослава I. — Новгородское вече и вечевые колоколъ и башня. — Марѳа Посадница, мужъ ея Исаакъ Борецкій и мнимый первый бракъ ея съ Филиппомъ. — Грамата Корельскаго Николаевскаго монастыря. — Сличеніе преданій съ лѣтописью о мѣстѣ нахожденія дома Марѳы. — Подробное описаніе остатковъ ея дома. — Видѣніе Св. Зосимы Соловецкаго и предсказанія его. — Охранная грамата Соловецкому монастырю. — Могила Марѳы. — Церкви: Пантелеймонская, Георгіевская, Ипатьевская, Ильинская, Мироносицкая, и соборъ Знаменскій. — Монастыри: Духовъ, Десятинъ и Звѣринъ. — Клопскій монастырь. — Ракома. — Перынь. — Юрьевъ монастырь. —

Грамата В. К. Мстислава Юрьевскому монастырю, съ приписью сына его Всеволода. — Упраздненный Благовѣщенскій монастырь. — Монастыри: Вяжицкій и Сырковъ. — Сковородскій монастырь. — Городище. — Сказаніе о прежнихъ мѣстоположеніяхъ Новгорода, догадка о происхожденіи имени его и Славянъ, и мнѣніе о существованіи города Словенска. — Кирилловъ монастырь. — Хутынь. — Монастыри: Деревяницкій и Антоніевъ. — Малый Волховецъ съ притоками: Вишерою и Левошнею. — Сказка о чародѣѣ Волховѣ. — Весенній разливъ Маловолховецкихъ водъ. — Маловолховецкій мостъ и взглядъ на Новгородъ. — Волотово поле и могила Гостомысла. — Гостомыслъ и дочь его Умила. — Вишерскій монастырь. — Преданіе объ обширности древняго Новгорода. — Повѣрка сего преданія съ мѣстностію, народонаселеніемъ, богатствомъ, торговлею и протяженіемъ Пятинъ древняго Новгорода.

Поправки.

3. *6*: Іоанна Грознаго — Іоанна III-го 26. *7*: третія — третьи 28. *14*: входа — Бхода 33. *4*: Мячкинскаго — Мячинскаго 62. *8*: Мячкинскимъ — Мячинскимъ 71. *22*: шириною — шириною 75. *1*: 1109 — 7109 79. *26*: приходѣ — проходѣ 87. *26*: пути — пути:

2007081605